

МАРГО ЖЕНЕР

18+

МОВА ДОБРОТА
ПОПАДАНКА

Пересеченные миры

Марго Генер

Моя дорогая попаданка

«Автор»

2018

Генер М.

Моя дорогая попаданка / М. Генер — «Автор»,
2018 — (Пересеченные миры)

Если начальство дает задание и обещает щедро вознаградить — мало кто откажется. Женя согласна делать карьеру и отправляется в путешествие. Но оно оказывается дальше, чем могла представить. И в нём предстоит не только приспособиться к стародавней Европе, но и придумать, как вернуться домой. А это не просто, когда двое мужчин готовы биться за неё насмерть.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	29
Глава 6	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Марго Генер

Моя дорогая попаданка

Глава 1

На вокзале царила суматоха. Несмотря на то, что Женя стояла посреди цивилизованного города, её толкали, пинали и норовили посадить на тележку носильщика. Грузчики бегали и кричали на ломаном английском, предлагая свои услуги. Жене пришлось потратить не меньше пятнадцати минут, чтобы выбраться из этой толчеи.

В кармане не вовремя зазвонил мобильный. Умудрившись увернуться от габаритного мужчины, она вытащила его и мазнула по экрану пальцем.

– Да, Виктор Геннадьевич, – проговорила Женя.

– Вы доехали? – послышалось в трубке сквозь хрип и свист.

– Уже на вокзале.

– О, это прекрасно, – снова раздалось свистящее в трубке. – Мариночка вам прислала адрес?

Женя ответила, уворачиваясь теперь от носильщика:

– Да, получила, но еще не смотрела.

– Замечательно, Евгения Николаевна, берите такси и езда... – проговорил начальник, но хрипы усилились. – Я спуска... метро...

Через секунду связь оборвалась, и Женя тоскливо посмотрела на погасший монитор. Ехать в командировку не хотелось. Она только закончила дополнительные курсы по медицине и в отпуск хотела отправиться на практику. Давняя мечта освоить сестринское дело осуществилась. Оставалось лишь закрепить полученные знания на деле.

Но начальство музе рассудило иначе. Сразу после института ее забрали в главный музей страны, как подающую надежду выпускницу. Теперь уже два года она что-то вроде экспертного оценщика древностей.

Выдохнув, Женя покосилась по сторонам. Перрон протянулся от края до края, словно бесконечная река, по которой несутся люди.

– Занесло же, – пробормотала она. – А говорили, здесь все по-европейски любезные.

Потребовалось несколько минут, чтобы понять, как найти выход, поскольку у строителей вокзала, видимо, была своя логика. И она сильно отличалась от общепринятой. Откуда-то все время дуло, соломенные волосы лезли в лицо, и Женя пожалела, что не убрала их в хвост. Теперь они при каждой возможности летели в глаза.

В конце концов, увязавшись за какой-то чопорно одетой леди, Женя, толкаясь и лавируя, умудрилась выбраться на улицу. Дорожная сумка тянула руки, потому что оба колесика перед самым отъездом отвалились. Пришлось нести.

Это раздражало, но утешала мысль о сверхурочных командировочных. Начальник, когда она начала упираться и говорить, что планировала провести отпуск иначе, прямо заявил, что заплатит за эту командировку месячный оклад.

От такого аттракциона невиданной щедрости Женя отказаться не смогла. К тому же, стало интересно – что такого ей предстоит оценить, если начальство готово так раскошелиться.

– Если это то, что мы думаем, – сказал тогда Виктор Геннадьевич, – мы станем обладателями уникальнейшего... Нет... Евгения Николаевна, беспрецедентного экспоната.

– Если он такой ценный, – ответила Женя, – почему не доставить его сюда? Я бы провела оценку тут. Вы знаете, я качественно работаю. И место никак на это качество не влияет.

Начальник покосился на нее, как на умалишенную, но проговорил мягко:

– Видите ли, Евгения Николаевна, этот экспонат не подлежит транспортировке...

– Очень интересно, как тогда вы собираетесь получить права на это чудо-юдо, – отозвалась Женя.

Лицо начальника скривилось.

– Сейчас не подлежит, – исправился он. – Но если это – то... самое. Мы запросим поддержки из государственного фонда. Они не упустят шанса завладеть такой реликвией. Вашей же задачей является установить её подлинность. И оценить.

– Я могу лишь обозначить эпоху, – напомнила Женя. – Точный возраст и другие цифровые данные потребуют радиоуглеродного анализа. А оборудование для этого я с собой взять, увы, не могу.

– Это и не понадобится, – успокоил её начальник. – Просто сделайте совою работу, Евгения Николаевна. Обещаю, в финансовом плане мы будем щедры.

После того разговора пришлось спешно собираться, мчаться на вокзал, поскольку летать она панически боялась. К счастью, начальство музея с готовностью оплатило переезд на поезде. И вот она бредет по извилистым улочкам, широкие каблуки стучат по брусчатке, а вечернее солнце отражается на ней теплым светом.

Оставив позади шумную вокзальную площадь, она достала смартфон и посмотрела адрес, который сбросила секретарша Виктора Геннадьевича.

В короткой смс значилось: *«Эрвью-стрит, 18. Центральный музей древности. Обратиться к мистеру Людвигу Шайну».*

Женя покрутила головой и выяснила, что понятия, где находится эта Эрвью-стрит, не имеет. А смартфон по адресу находить место отказался.

Виктор Геннадьевич сказал взять такси, но из транспорта на всей площади лишь выкрашенный серебрянкой велосипед, и то превращенный в клумбу.

– Да что ж на напасть такая, – пробормотала Женя.

Она быстро набрала сообщение:

«Марина, спасибо за координаты. Но пришли геолокацию. Такси нет, а этих европейских улочках без навигатора никак».

Женя остановилась на углу дома, по-европейски вытянутого, словно он пытается крышей дотянуться до солнца. Потянулись минуты ожидания, за которые успела рассмотреть крыльцо противоположного дома, завешанного цветочными горшками, рейки на стенах крест на крест, винтажный фонарь, который делали явно под старину. Он напоминает о тех временах, когда их зажигали вручную длинными лучинами.

Стояло самое начало сентября, и Женя радовалась теплой погоде и тому, что не пришлось тащить с собой ворох одежды. В джинсах и молочно-белой блузке вполне комфортно. А на случай внезапного похолодания есть кофта с длинным рукавом. Она планировала закончить все за пару дней и отправиться домой, на долгожданную практику.

Время шло, а секретарша все молчала. Недовольно выдохнув, Женя вновь настрочила сообщение:

«Марина, ответ срочно. Я стою посреди незнакомого города и не знаю куда идти. Если не получу геолокацию, прямо сейчас сажусь в поезд и еду обратно. С Виктором Геннадьевичем будешь разбираться сама».

В ответ тут же пришло:

«Ой, простите Евгения Николаевна. Забегалась».

Следующим сообщением появилось определение маршрута. Женя пару минут его изучала, потом с усталым вздохом поняла, что до Эрвью-стрит, 18 без такси топтать придется долго. Судя по карте, центральный музей находится где-то на отшибе.

Засучив рукава, она покачала головой и двинулась по улочке вниз, надеясь где-нибудь найти остановку. Перед поездкой успела прочесть, что здесь очень жалуют наземный транспорт и велосипеды. Но из-за ручной клади от двухколесного друга пришлось отказаться. Оставалась надеяться на автобус.

Для этого Женя еще дома поменяла деньги и теперь поглядывала по сторонам, в надежде обнаружить остановку.

Но та все не появлялась. Словно по улице, нарочно перед ее приездом, снесли всё подчистую.

– Извините, не подскажете, где ближайшая остановка? – спросила она прохожего на неплохом английском, который старательно практиковала. – Мне нужно к центральному музею древности. А карты показывают, что пешком далеко.

Прохожий, долговязый мужчина с редкими усами и в начищенных до блеска туфлях посмотрел на неё с изумлением, затем проговорил:

– Вы идете не по той улице.

– Это как? – не поняла Женя.

– Чтобы сесть на автобус до центрального музея, вам нужно пройти вот тут и выйти на авеню. Там будет остановка, и вы доедете.

– Премного благодарна, – ответила Женя и поспешила подальше от прохожего, который почему-то не понравился.

Вообще все местные жители казались какими-то чересчур чопорными, чересчур размеренными. И вообще во всем выглядели чересчур.

Но прохожий не обманул. Спустя не сколько минут Женя действительно ехала в автобусе, разместившись у окна и держа на коленях сумку. Контролер наклонилась над ней, прося предоставить проездной, с услужливой улыбкой, от которой веет притворством и деланной любезностью. Женя ответила такой же улыбкой, демонстрируя свежкупленный билет.

Контролер, показалось, даже немного расстроилась, но кивнула и пошла дальше. Женя отдула со лба соломенную прядь, закатывая глаза, и вновь отвернулась к окну.

В отражении сквозь дома и деревья глядит кареглазая блондинка, очень грамотно окрашенная, и никто не догадывался, что она в действительности шатенка. Кожа светлая, за все лето она не успела съездить на море, тогда как остальные в музее заполнили свои инстаграммы фотографиями вроде «я в купальнике», «я со стаканом», «а вот мои ноги»...

Жене было некогда. Она все лето проходила интенсив по сестринскому делу. Коллеги считали это блажью, говорили, что у нее и так хорошая профессия, а она великолепный специалист. Но Женя хотела обладать каким-то действительно полезным навыком. Ведь в случае войны или землетрясения ее умение разбираться в древностях никому не поможет.

Погруженная в эти мысли она не заметила, как дома стали реже, дорога пошла вниз. И лишь, когда автобус остановился, очнулась.

Выйдя на остановку, она потянулась и хрустнула спиной – та затекла от долгого сидения. Затем огляделась.

– Ну и Тмутаракань.

Эрвью-стрит, 18 явно находилась не в центре. Возвышенные домики и блестящая на солнце брусчатка остались позади. Здесь дома тоже есть, но очень разрозненно, будто стесняются, что вообще тут стоят.

Зато прямо с остановки, которая, вроде как, на возвышенности, открывается чудесный вид на зеленые луга, что тянутся куда-то влево и упираются в темную полосу леса. Прямо от остановки – дорога. Не брусчатка, а вполне себе асфальт. А вдалеке справа массивное здание, вокруг которого куча палаток и людей.

– Похоже, это и есть Эрвью-стрит, 18, – сообщила себе Женя.

Она двинулась по обочине, потому что тротуара не оказалось. Преодолев расстояние не меньше километра, оказалась перед чем-то вроде ярмарки. За ней высится долгожданный музей, и Женя решительно ступила меж прилавками и шатрами.

Тут же дорогу перегородил паренек со включенными волосами и наряде восемнадцатого века.

– Без костюма нельзя! – почему-то весело сообщил он на английском, который больше похож на шведский.

Вся эта командировка начала доставать. Женя сделала вдох и выдох, затем произнесла терпеливо, стараясь перебить шум ярмарки:

– Я на работе. Мне в музей.

– Мы тут все на работе, – усмехнулся включенный все с тем же жутким акцентом.

Женя сунула пальцы в карман и достала ламинированную карточку.

– У меня пропуск, – сообщила она, чувствуя, что вот-вот и закипит. – Я сотрудник, мне назначено.

Лицо включенного приняло шутовское выражение, он пожал плечами и проговорил:

– Без костюма не пустим.

– Да вы издеваетесь! – вырвалось у Жени, она попыталась обойти его.

Но тот снова перегородил путь и развел руками, расплываясь в широкой улыбке. Затем помахал кому-то. Из толпы появились еще несколько ряженых под старину и приблизились. Женя поморщилась. Эти болваны даже не потрудились изучить костюмы восемнадцатого века. Женщины тогда носили совсем другие прически, а такие платья устарели еще в шестнадцатом.

Разномастная компания остановилась рядом, а Женя сказала, с трудом сдерживая негодование:

– Я прибыла из другой страны, у меня задание. У меня работа, в конце концов. А вы меня не пропускаете? Это что вообще?

Он как-то виновато улыбнулся и произнес:

– Иностранцы здесь не редкость. Просим извинить, но здесь проходит фестиваль реконструкторов. Без костюма вход пятнадцать евро.

– Сколько?! – вырвалось у Жени, глаза округлились. – У вас даже костюмы не аутентичные! За что пятнадцать?

Юноша развел руками.

– Не мы устанавливали цену. Извините.

– Но у меня нет костюма, – выдохнула Женя, растерявшись от такого ответа.

Парень тут же нашелся.

– За десять евро вы можете взять у нас костюм, – сказал он. – Напрокат, разумеется. Вот это платье, на пример.

Женя окинула профессиональным взглядом оценщика наряд, который с древностью совсем не вязался, и огрызнулась, вытаскивая из кармана смартфон:

– Не буду я платить десять евро за ваши лохмотья.

Она быстро набрала начальнику, а юноша в парике вскинул палец и покачал им.

– Нет-нет, – сказал он, – на фестивале запрещены все элементы современности.

Женя послала ему хмурый взгляд и проигнорировала. В телефоне пару секунду длилось молчание, затем услужливый компьютерный голос сообщил, что абонент выключен или находится вне зоны действия сети – значит, Виктор Геннадьевич еще в метро. В самый неподходящий момент.

Женя тихо ругнулась и убрала смартфон обратно.

– Я это не надену, – сообщила она категорично. – И уж точно платить за это не буду. Пропустите немедленно, иначе сообщу начальству музея, что с иностранным гражданином обращаются неподобающим образом.

– Начальство музея предупреждено, – невозмутимо проговорил парень. – В современной одежде на территорию фестиваля запрещено.

– Дурь какая! – выругалась Женя в голос по-русски, и уже по-английски сказала: – Давайте, что у вас есть самого простого?

Лицо паренька расплылось в улыбке. Он откуда-то достал накидку из темно-синего бархата с кое-как пришитой атласной летной по краям и капюшону.

– Три евро.

Женю уже трясло от возмущения и гнева. В ее честно заработанный отпуск, она, вместо того, чтобы заниматься практикой в очень полезном ремесле, рядится в какое-то барахло реконструкторов-недоучек.

Вытащив из кармана три евро, она сунула их пареньку и выхватила накидку, торопливо приговаривая:

– Давай, давай, быстрее... Торчу тут пол часа...

Она быстро набросила на плечи и застегнула на шее, вновь скривившись – таких застежек в восемнадцатом веке не было. И в девятнадцатом тоже. Женя покачала головой.

– Вы бы хоть книжки почитали, прежде чем в такое рядиться, – проговорила она делая шаг в сторону музея.

Юноша вскинул голову, словно его оскорбили в самое сердце, и проговорил обиженно:

– Вообще-то, мы шили наряды по самым известным фильмам эпохи.

Женя оглядела его сверху-вниз и обратно, и сказала:

– Оно и видно, что по фильмам. Вам нужны наряды эпохи рококо, а не... А ладно.

Махнув рукой, Женя заспешила к музею, протискиваясь сквозь ряженных реконструкторов. Те вопили песни, как им казалось, на староанглийском, плясали очень корявую джигу в почему-то шотландских костюмах, и вообще делали то, что по мнению специалиста в лице Жени не вписывалось в историю никак.

Наконец, грохот рукотворных барабанов и самодельных свистулек, наряду с песнями и гоготом, остались позади. Женя с облегчением выдохнула, когда оказалась перед массивными дверьми.

Распахнув, она вошла. Воздух музея окутал прохладой и запахом, который ни с чем не спутать. Так пахнет история.

Слева за стойкой дремала контролерша с прической, которой могли бы позавидовать дамы эпохи Просвещения. Когда скрипнула дверь с доводчиком, она встрепенулась и устремила взгляд на Женю.

– Музей на сегодня закрыт, – сообщила она поспешно, будто оправдывается за свой сон.

Женя проговорила терпеливо, хотя поездка стала напоминать женитьбу Фигаро:

– Меня зовут Евгения Вольтова. Я к Мистеру Шайну по поводу оценки экспоната.

Контролерша еще секунду смотрела на нее, разглядывая бархатную накидку, потом встрепенулась и подскочила.

– О, к мистеру Шайну. Конечно, он говорил, – затараторила она. – Пойдемте. Конечно пойдемте.

Вместе с контролершей, которая без умолку рассказывала обо всем, что проплывало мимо, они двинулись через музей.

Внутри он показался больше, чем снаружи. Жене пришлось впечатленно признать, здесь и впрямь собраны уникальные экспонаты. Таких её музей не видел даже на привозных экспозициях. Потерянная статуя Венеры, бюст Аполлона, гигантская картина над лестницей с изображением, рыжего, как мандарин, мужчины... Даже черный мраморный пол главного зала выложен белым во что-то вроде звезды.

Всё буквально кричит, что музей раритетный настолько, что Женя усомнилась, в способности ее начальства выкупить даже самый простой экспонат.

Наконец, они остановились у массивных дверей, от которых пахнет лакированным деревом.

– Вам сюда, – проговорила контролерша. – Мистер Шайн вас ожидает с самого утра.

– Спасибо, – поблагодарила Женя. – Если мистер Шайн ожидает с самого утра, мог бы организовать трансфер, как это делают все принимающие стороны.

Контролерша пожала плечами и виновато улыбнулась. Затем толкнула двери и Женя вошла в кабинет.

Глава 2

Мистер Шайн, долговязый и мосластый мужчина лет шестидесяти, как и контролерша, дремал в кресле. Он клевал носом, круглые очки сползли на самый кончик и опускаются все ниже в такт дыханию. Женя покосилась на контролершу, мол, и что дальше. Та предупредительно покашляла, но руководитель музея продолжал спать, сцепив пальцы на животе.

Она снова просигналила, но управляющий все спал. Наконец женщина проговорила громко:

– Мистер Шайн, к вам пришли.

Управляющий подскочил, очки съехали и едва не упали. Но он успел подхватить и водрузить на орлиный нос. Пару секунд он глупо моргал, переводя взгляд с контролерши на Женю и обратно, потом проговорил сбивчиво:

– Я здесь, гм, немного... Вы что-то хотели?

– Мистер Шайн, – снова проговорила контролерша, – к вам вот прибыли...

Женя не выдержала, все это изрядно начало раздражать.

– Я Евгения Вольтова эксперт из России, – проговорила она. – Прибыла по вопросу реликвии. Вы, наверное, говорили с Виктором Геннадьевичем об этом. Не обращайтесь на мой внешний вид. Это издержки фестиваля вокруг вашего музея. Но мне бы не хотелось терять время.

Взгляд управляющего постепенно стал осмысленным. Он протер глаза и поднялся, опираясь на подлокотник.

– Фестиваля... – протянул он озадаченно, но потом будто пришел в себя и проговорил: – Виктор... Да, да, конечно. Мы говорили буквально пару часов назад по телефону. Он сказал, вы один из лучших специалистов.

Женя любезно улыбнулась.

– Надеюсь не разочаровать, – сказала она. – Если вы не против, я бы хотела приступить немедленно. Чем быстрее справлюсь, тем быстрее отправлюсь домой.

Управляющий и контролерша как-то растеряно переглянулись. Та пожала плечами, мол, кто поймет этих иностранцев, и незаметно ретировалась. А мистер Шайн все также растеряно провел рукой, приглашая следовать за ним.

Когда вышли из другой двери, ведущей из кабинета в коридор, он осторожно спросил:

– А что же? Вы спешите покинуть наши, гм, земли потому, что вам не нравится?

Тон управляющего прозвучал озадаченно, и Женя невольно ощутила вину перед этим на вид добрым человеком.

– Вы все не правильно поняли, – попыталась она спасти приличия. – Просто дома ждут неотложные дела, а сюда приехала в отпуск. Сами понимаете.

Плечи управляющего немного расслабились, но Жене все равно показалось, что он остался уязвлен пренебрежением. Но она поспешно отогнала эти мысли. Это ведь ее выдергивают из отпуска, и на нее навесили дополнительную работу, хоть и за отдельную плату.

Некоторое время шли в тишине и только стук каблуков глухим эхом расходился по коридору. Спустя пару минут, они завернули за очередную колонну, и управляющий, наконец, нарушил молчание.

– Вы уже остановились где-то?

Женя, обрадованная, что управляющий не слишком оскорбился ее резкостью, поспешила поддержать беседу.

– Пока нет, – ответила она. – Но читала, что здесь хорошие hostels.

– Ни в коем случае, – запротестовал мистер Шайн, а когда Женя вопросительно на него посмотрела, пояснил: – У нас для командированных есть гостевые комнаты. Не откажите в любезности.

Женя пожала плечами и сказала:

– Спасибо. Не знала. Если справлюсь быстро, то не стану долго вас стеснять. Можете рассказать об этой реликвии? А то мое начальство напустило тумана таинственности.

Лицо управляющего вытянулось и приняло одухотворенное выражение, подбородок приподнялся, он произнес важно:

– Это действительно очень ценный экспонат. Точнее бесценный. Поэтому неудивительно, что ваш руководитель не доверяет нам на слово и прислал вас.

– Если реликвия так важна, почему вы готовы её продать?

Брови мистера Шайна сдвинулись, он произнес:

– Лично я – не готов. Но у учредителей свои взгляды на жизнь. Нам, простым смертным, непонятные.

– Ясно, – отозвалась Женя, не желая лезть в дела, которые ее не касаются.

Они пересекли зал, поднялись по ступенькам и, наконец, оказались в комнате, где стоит лишь один экспонат.

Блестящий шар, чуть больше футбольного мяча, темно-бронзового цвета, испещренный хаотичными параллелями и меридианами. Снизу его подпирает металлическая тренога, которую установили на камень высотой в метр.

– Вы специально, для экспозиции его на каменюку поставили? – спросила Женя, приближаясь к экспонату. – Чтоб зрелищней?

Мистер Шайн покачал головой.

– Эта, как вы говорите, каменюка – часть экспоната, – сказал он. – Вся конструкция является реликвией. И прошу заметить, его ни разу не выставляли. Как только экспонат появился у нас, охотники за древностью мигом активизировались. Так что сейчас вопрос стоит о том, кому реликвия будет принадлежать в итоге. Я, естественно, против того, чтобы её увозили. Но моего мнения никто не спрашивал. Остается надеяться, что она попадет в достойные руки.

Женя впечатленно причмокнула.

– Ничего себе, – произнесла она и наклонилась над блестящей сферой. – Впервые такое вижу.

– Я знал, что вы поймете, – с явным облегчением произнес управляющий. – Вам что-нибудь нужно для работы?

Женя покачала головой.

– Спасибо. У меня все с собой. А высокоточную технику сюда все равно не доставить.

– Тогда, эм... Вас оставить? – немного смущенно спросил мистер Шайн.

– Буду благодарна, – с улыбкой отозвалась Женя. – Предпочитаю работать одна. Мне нужно делать записи. Лучше, если никто не будет отвлекать.

– О, безусловно, – охотно согласился управляющий. – Но... Может вам чаю?

Женя постаралась улыбнуться как можно любезнее и кивнула, не в силах отказать этому учтивому человеку.

– Если вас не затруднит.

Тот выдохнул с явным облегчением.

– Тогда миссис Адамсон вам принесет, – сказал он и поспешил удалиться.

Не теряя времени, Женя приступила к осмотру реликвии. Разложив щеточки, лупы, блокноты и смартфон, она принялась пытливым образом изучать поверхность предмета.

Он оказался полон противоречий. Сама конструкция и способ обработки говорили, что изготовлен он с помощью высокоточных технологий. Однако едва заметные гравировки на треноге и в углублениях полос на шаре, да и сам камень, буквально кричали о древности.

Женя так увлеклась работой, что не заметила, как контролерша принесла поднос с чаем и тарелкой печенья. И только отправляла их в рот, когда спустя час ощутила голод.

Она ковырялась, вглядывалась через увеличительное стекло, переписывала замысловатую клинопись в блокнот и искала в интернете сходные символы. Но ничего похожего мировая паутина не предоставляла. Экспонат был определенно древним, определенно подлинным, и совершенно не понятно, кем и как созданным.

Спустя несколько часов, она вытерла лоб и только теперь заметила, что все еще в накидке, которую вручил реконструктор-недоучка. Она потянулась, чтобы снять, но тут на глаза попало углубление у самого основания постамента.

Наклонившись, она осторожно провела по нему кисточкой, так, на всякий случай, чтобы ничего не испортить. Затем оглядела с помощью увеличительного стекла.

На бортах углубления тоже обнаружились символы. Один из них залеплен то ли грязью, то ли еще чем-то.

Вооружившись тончайшим скребком, она осторожно почистила край. Грязь отвалилась, но теперь в глубине появилась какая-то ветка.

– Как оно туда попало, – недовольно выдохнув, произнесла она и отложив скребок, просунула палец.

Немного повозившись, она обрадовалась, что смогла ухватиться, но палец неожиданно кольнуло.

– Ай! – воскликнула Женя и резко выдернув, сунула его в рот.

К великому изумлению, клинопись в углублении начала наливать багровым цветом. Женя вытаращилась на это почти восхищенно. Но, когда краснеть стали и символы на меридианах, стало не по себе – того количества крови, которое капнуло из пальца, явно не могло хватить на такую площадь, даже если весь постамент внутри пронизан специальными каналами.

Со скрежетом меридианы пришли в движение, шар завертелся, поблескивая бронзовыми боками. Перепугано охнув, Женя цапнула телефон и стала снимать видео, чтобы начальство не приняло ее за чокнутую.

Шар с меридианами все ускорялся. Женя таращилась на происходящее, не веря, что видит все своими глазами. От вращения воздух тихо загудел, блеск шара стал сильнее. Скорость нарастала, и Женя невольно попятилась. А когда уперлась спиной в стену, комнату залила яркая голубоватая вспышка и на несколько мгновений ослепила.

Заслонившись руками, Женя взвизгнула. Пронеслась мысль, что нужно было отказываться от командировки, пусть и за такие деньги.

Лишь спустя несколько мгновений комната вновь погрузилась в рабочий полусвет. Шар уже принял привычные очертания, клинопись побледнела, и экспонат опять стал обычной дорогой древностью.

Протерев глаза, Женя выдохнула. Руки тряслись, в голове звенело, словно она только вернулась с рок-концерта. Почему-то казалось, произошло нечто противозаконное или что-то около того. Хотелось поскорее отсюда убраться.

– На сегодня хватит, – пробормотала она, нервно сглатывая.

Смахнув дрожащими пальцами печенья в пакетик, Женя засунула его в сумку и в несколько глотков допила чай. Затем собрала инструменты и вышла в коридор.

Едва покинула комнату, сразу полегчало, словно от того веет опасностью. Хотя в разные мистические вещи Женя не верила, сейчас казалось, что реликвия и в самом деле странная.

Она тряхнула головой, ибо настоящий оценщик древностей не должен допускать бредовых идей. Только факты, только научный подход.

– Бред и суеверия, – добавила она.

В коридоре царила пустота, и эхо тихим шелестом разлетелось в полумрак.

Женя вздохнула. Она забыла спросить мистера Шайна, где найти обещанную гостевую комнату, а сейчас его в музее может не быть. Как и контролерши. Придется все же где-то искать хостел.

По памяти она кое-как выбралась из хитросплетений коридоров и нашла кабинет управляющего. Его, как и ожидалось, на месте не оказалось.

– Чудненько, – сказала Женя себе и двинулась через обширные залы к выходу.

Залы заметно потемнели и вечером выглядят как-то удручающе и мрачно. Экспонатов не видно, словно их на ночь уносят. Хотя это логично, такие ценные предметы древности лучше содержать под надежной охраной, в сейфах. Она бы тоже не рискнула оставлять потерянную статую Венеры вот так, на ночь. А о том загадочном шаре и говорить нечего.

Она толкнула двери. Те поддались с большим трудом, но все же скрипнули и распахнулись. Женя покосилась наверх – доводчик сняли.

– Нет, ну я всё понимаю, – озадаченно проговорила она, – но жмотиться на доводчики...

Пожав плечами она вышла на ступеньки. Солнце клонится к закату, расплескивая по облакам жидкое золото, вдалеке темнеет полоска леса, а фестиваль вокруг музея заметно уменьшился. Женя облегченно выдохнула – хоть не придется протискиваться сквозь толпы ряженных болванов.

Подул ветерок, и Женя скривившись зажала нос. Видимо, где-то открыли шлюзы в очистных, и эту великолепную вечернюю природу накрыл по истине убийственный аромат.

– Фу... – прогундосила Женя. – Надеюсь, тут не всегда так.

Она быстро спустилась с крыльца и двинулась между заметно поредевших лавок. Люди тоже, видимо, устали за день и теперь неспешно собирают товар, что-то складывают и грузят в телеги. Краем глаза Женя успела заметить, что некоторые предметы быта все же сделаны на совесть и очень похожи на правду. Она хмыкнула. Хоть кто-то озаботился историческим подходом, а не обошелся дешевыми фильмами для массового обывателя.

Выйдя за пределы ярмарки она с изумлением обнаружила, что асфальтированная дорога исчезла. Пару секунд тупо тарасилась на брусчатку, но потом решила, что вышла где-то с другой стороны.

– Извините, – обратилась она к мужчине, переодетому то ли в рыбака, то ли в гончара. – В не знаете, как пройти к другой дороге? Мне бы в хостел какой доехать.

Мужчина посмотрела хмуро, словно она его в чем-то обвинила. Но все же произнес:

– Пришлая?

Он говорил со странным акцентом, но Женя, помня речь паренька, впарившего ей накидку, пропустила мимо ушей.

– Да, из другой страны, – сообщила она уклончиво.

– Ночлег ищешь? – снова спросил мужчина.

– На эту ночь, – подтвердила она. – А дальше управляющий музея обещал гостевую.

Мужчина продолжал оглядывать ее, погружая на телегу мешки. Потом вытер лицо и произнес:

– Ну, я могу помочь. За кое-какую плату.

Женя про себя улыбнулась – здесь за все принято платить, а управляющий скорее исключение из правил.

– Сколько я вам должна? – спросила она. – И где хостел? Или что там, гостиница?

Лицо мужчины расплылось в насмешливой улыбке, обнажились до отвращения желтые зубы, и Женя подумала, что по нему плачут виниры. Он вытер пальцы о тряпку и сказал:

– Можно не деньгами. У меня есть комната, там кровать. На двоих хватит.

– Что простите? – переспросила Женя, решив, что ослышалась.

Показалось, мужчина даже обиделся, глаза округлились.

– Да ты не бойсь, – сказал он спешно. – У меня чисто, и сам я нормальный мужик. Здоровый. Сочтемся в пол часа.

Теперь уже пришла очередь Жени таращить глаза. Она пару секунд глазела на мужика, потом покрутила пальцем у виска и, резко развернувшись, двинулась вверх по брусчатке.

Вслед донеслось:

– Да ты чего... Годное ж предложение! Я те чесслово говорю, у меня комната, не коморка...

Женя торопилась, пыхтя, как рассерженная лошадь. В этой «загранице» все через не то место. Такси нет, ярмарки прямо вокруг музеев, экспонаты, от которых в дрожь бросает, а в довершение всего в открытую предлагают секс чуть ли не за еду. Разброд и шатания.

Солнце уже коснулось верхушек леса. Стало темнее, брусчатка заблестела, словно покрылась маслом. Женя уже не думала, как потеряла нормальную дорогу и мечтала лишь о том, чтобы дойти до остановки, сесть в автобус и добраться до какого-нибудь отеля.

Но, когда вышла к главной дороге, которая тоже почему-то брусчатая, а остановки не нашла, окончательно уверилась, что оказалась с другой стороны музея.

– Блин! – выругалась она.

Потом сунула пальцы в карман под накидкой и вытащила телефон. Он засветился радостным бледным светом, но к великой досаде связь отсутствовала.

– Нет, это какой-то капец, – прошипела Женя и стала поднимать телефон то туда, то сюда, надеясь хоть так найти «четыре джи».

Но, как ни старалась, из угла экрана на нее смотрел перечеркнутый кружок.

– Тьфу ты, блин...

Убрав бесполезный телефон обратно, она тяжело вздохнула и, закинув сумку на спину, пошла вверх по брусчатке. Туда, где как казалось, должен быть город.

В быстро сгущающихся сумерках, видимость расплзлась, приходилось время от времени доставать телефон и подсвечивать дорогу. Зато, когда окончательно стемнело, из-за облаков выплыл месяц, и путь стал хорошо виден.

Ругая начальство, фестиваль и всех, кто был связан с командировкой, Женя брела по брусчатке, скользя каблуками. Несколько раз чуть не упала. Но потом нашла палку размером почти в ее рост и стала опираться на нее. Сейчас, думала Женя, она выглядит, как настоящий пилигрим, или пилигримша – в накидке, с котомкой за спиной, да к тому же опирается на палку.

– Позорище, – заключила она.

Так она шла около получаса, пока позади не послышался шум. Обернувшись, увидела повозку, запряженную невысокой лошадкой, которая, видимо, едет с фестиваля. Управляет повозкой женщина весьма внушительных размеров, в аутентичном крестьянском платье и чепце. Лошадью правит умело, и Женя впечатленно выдохнула – эта дама тоже шила костюм не по фильмам.

Заметив Женю дама потянула вожжи

– Тпрр-руу... – гаркнула она и проговорила: – Ты чего одна по дороге среди ночи? Али пилигрим?

– Да какой там, – отмахнулась Женя, оценив манеру говорить. – До ночлега бы добраться. Я только сегодня приехала, еще не разобралась.

– Эвона как, – протянула женщина и понимающе кивнула. – Пришлая. Я тоже давно как-то сюда пришла. Вот прям как ты, пешком. А сейчас вот, свое подворье, хозяйство, хоть и маленькое. Зато продаю в город. Доход, он нужен. Сама понимаешь. Садись, довезу.

– Прям на телеге? – удивилась Женя, поскольку в жизни таким транспортом не пользовалась.

Женщина хмыкнула.

– Угу. Влезай рядом на козлы.

– Вам, надеюсь, оплата натурой не требуется? – на всякий случай спросила Женя, опасливо приближаясь к телеге.

Женщина рассмеялась зычно и громко.

– Не, я мужиков люблю.

– Ну слава богу.

– Не поминай в суете, – серьезно сказала женщина. – Тебя как звать?

Кое-как забравшись на телегу и усевшись рядом с женщиной Женя проговорила:

– Евгения.

Женщина свистнула, и телега покатила, подрагивая на брусчатке. Такого вибромассажа Женя дано не испытывала, но все же радовалась, что сидит, а не топчет каблуками мостовую.

– Еугиния... Еуджиния... – повторила женщина, коверкая имя на свой лад, потом ее лицо просияло, она выдохнула: – Так ты Джини.

Женя поморщилась, но кивнула.

– Пусть будет Джини.

– А я Лилибет, – явно довольная, что смогла совладать с заморским именем, сказала женщина. – Так откуда ты, Джини?

Женя озадаченно покосилась на женщину, которая назвалась Лилибет. Родители этой Лилибет должны быть очень большими шутниками если назвали дочь таким старым именем.

– Издалека, – уклончиво ответила она. – Скажите, тут поблизости есть приличный хостел или гостиница? Чтоб не в центре, а тут на окраине. А то мне завтра опять в музей. Не хочется на дорогу время тратить.

Лилибет странно посмотрела на нее, но проговорила:

– Не знаю, что за музей, и хостел, но на окраине есть постоялый двор. Только его я не советую. Отребья много, клопы в матрасы.

Женю от такого передернуло – матрасов с клопами она сегодня точно не вынесет. А женщина продолжила:

– Можешь переночевать у меня. Точнее у моего брата. Я у него останавливаюсь. Только клянись, что ничего не украдешь.

Женя вытаращилась на нее.

– Вы в своем... – выдохнула она, едва не выругавшись. – С чего я должна что-то красть?

– На наших дорогах всякого хватает, – заметила Лилибет.

Эта местность Жене нравилась все меньше, но она проговорила:

– Могу вас заверить, что ничего красть не собираюсь. И вообще таким не занимаюсь. Я эксперт по древностям.

– Алхимик? – спросила женщина уже с опаской косясь на Женю.

– Ага, – усмехнулась Женя. – И на метле по ночам летаю.

Лилибет шутка смешной явно не показалась. Женя буквально кожей ощутила, как та напряглась и стала шарить ладонью в поисках чего-то.

Женя поспешно проговорила:

– Да успокойтесь. Я шучу. Не летаю я на метлах. Вы верите в такую чушь?

Лилибет немного расслабилась, но произнесла:

– Всякое бывает.

Дальше разговор как-то не клеился. Женщина явно жалела, что подобрала путницу, а Женя мысленно ругала себя за излишнюю словоохотливость. Хотя понять ее тоже можно – забросили в какие-то дебри вместо отпуска, потерялась, сеть не ловит, а сама она едет на телеге в компании женщины по имени Лилибет.

Наконец впереди показался город и у Жени вырвалось:

– Твою ж дивизию...

В темноте он выглядел как настоящий монстр эпохи рококо. Даже ночью Женя смогла оценить его помпезность и стремление во всем проявить изыск. А еще этот умопомрачительный запах, который вновь принес ветерок со стороны города.

В эту секунду в мысли закралась непонятная тревога.

Глава 3

В городе оказалось темно. Только редкие фонари мерцают, словно в них горит живой огонь. Из темноты доносятся непонятные шумы, но когда Женя покосилась на Лилибет, та выглядела спокойно.

Женя пожала плечами – мало ли, что тут у них и как. Дома тоже бывает веерное отключение света. А сейчас она так устала и вымоталась, что готова уснуть прямо тут, на козлах. И когда оказавшись в каком-то очень старом доме, Лилибет познакомила ее с братом – грузным мужчиной с длинными, убранными в хвостик волосами, только рассеяно кивала. Оказавшись в маленькой комнатке, Женя уснула, не раздеваясь и даже не сходя в душ.

Утро разбудило зычными криками и каким-то грохотом. Дома она привыкла, что около шести утра на проспекте, куда выходят окна квартиры, начинается шум. Но дома есть беруши, а здесь пришлось вставать.

Сев на постели, Женя протерла глаза. После сна видимость возвращалась постепенно, но когда очертания предметов обрели четкость, Женю охватила оторопь.

Если на фестивале она морщилась от бестолковости и неправдоподобности, то сейчас буквально ощутила гордость за брата Лилибет. Он несомненно тоже реконструктор. Причем очень дельный. Потому, что только помешанный на истории человек мог так обставить комнату.

Невысокая кровать с грубыми простынями серого цвета, деревянные полы, темные стены, прикроватная тумбочка такого вида, словно её вытащили из музейной кладовки. Занавесок на вытянутом окне нет, зато прямо под ним винтажный стул, обитый расшитой тканью. Ножки и спинка помпезно подкручены, и стул немного выбивается из общего ансамбля.

– А я только обрадовалась, – произнесла Женя и поднялась.

На ней все еще вчерашняя одежда и накидка из темно-синего бархата. Очень захотелось принять ванну или, на худой конец, душ.

Так и не сняв накидку, Женя вышла из комнаты и едва не столкнулась с Лилибет.

– О, Джини, проснулась, – вдохнула она обрадованно. – А я тебя будить иду.

– Который час? – потирая лоб спросила Женя.

Лилибет усмехнулась.

– День в разгаре, – сказала она. – Главная башня пробила восемь утра.

Женя поморщилась.

– Восемь? Я смотрю вы жаворонки.

Из-за спины Лилибет показался ее брат с хвостиком засаленных волос, Женя едва сдержалась, чтобы не сморщиться. Эти люди приютили ее, совершенно не зная, кто она, и даже не запросили платы. Нужно проявить хоть немного любезности.

Она постаралась выдавить улыбку и проговорила:

– А где у вас ванная? Мне бы помыться. Как с поезда сошла, так сразу к начальству поехала. Толком не ела даже.

Лилибет и брат переглянулись. Показалось, они впали в какой-то ступор, но Лилибет нашлась быстрее.

– Братец, она из далекой страны. Кто там знает, какие у них порядки. Мыться у нас можно кадке. Но надо греть воду. Так что придется подождать.

– Очень исторично, – восхищенно проговорила Женя. – Даже не думала, что у вас все так... По науке. Спасибо. Я тогда в магазин сбегая. Не хочется вас объедать, вы и так мне очень помогли. Даже не знаю, как благодарить.

Лилибет как-то растеряно посмотрела на брата, тот пожал плечами, а она, слегка обескуражено проговорила:

– Ты в лавку хочешь?

– Э... Ну, наверное. В лавку, так в лавку, – отозвалась Женя, подмигивая, мол она поддерживает антураж.

– Тогда тут рядом, – все так же смущенно проговорила Лилибет. – Пойдешь налево, потом за угол, и будет лавка булочника.

– Спасибо, – поблагодарила Женя.

Она понимала, что злоупотребляет гостеприимством этих добрых людей. Но сейчас в незнакомом городе у нее никого нет, она не ориентируется, телефон не ловит сеть и даже нет возможности позвонить Виктору Геннадьевичу. Так что нужно как-то выкручиваться. А эти местные очень любезно ее приняли. И она в долгу не станет – когда вернется домой, вышлет компенсацию за хлопоты.

Обойдя Лилибет и улыбнувшись ее брату, она толкнула дверь и оказалась на улице.

Брусчатка блестит от утреннего солнца, в воздухе витают недвусмысленные запахи, что значит, шлюзы на очистных все еще открыты. Но день погожий.

Дом брата Лилибет находится, видимо, в исторической части города – всюду старинные домики, совсем не тронутые прогрессом, прямо отсюда видна огромная башня с красной крышей, под которой блестят массивные часы и показывают пятнадцать минут девятого.

Утренняя прохлада заставила кожу покрыться мурашками, и Женя даже порадовалась этой бархатной накидке. Закутавшись в нее поплотнее, она прошла по пустынной улочке и завернула за угол.

И едва не налетела на мужчину.

– Куда прешь! – заорал он. – Развелось тут потаскух! Прочь с дороги!

Он спешно обошел ее и широкими шагами направился по брусчатке.

Но ошарашило Женю даже не грубое обращение. На мужчине оказалась синяя ливрея, темно-коричневый камзол и кюлоты с белыми гольфами. А еще туфли. Настоящие туфли эпохи Просвещения. Их Женя могла отличить с одного взгляда потому, что они выглядели несуразно из-за того, что делались одинаковыми на обе ноги.

Они выглядели очень натурально.

Нервно сглотнув, Женя, наконец подняла голову и, оглядевшись, замерла. По спине прокатилась холодная змейка, а внутри зашевелилось что-то очень нехорошее и тревожное.

По улице ходят люди. И люди эти наряжены так, словно сбежали из театра – мужчины в камзолах и кюлотах, женщины в пышных платьях на фижмах. Коляски, запряженные лошадьми...

Все это можно было бы списать на очередной фестиваль. Но здесь было то, что не укрылось от цепкого взгляда специалиста по древностям.

Древность.

Здесь присутствовала древность, без единого намека на современность. Пустое небо без проводов, лавки с продуктами... И Женя точно видела – они настоящие. И вот этот булочник возле окна, который зазывает покупателей, тоже настоящий. Она знает это. Она же специалист.

Картинка перед глазами поплыла. Чтобы не упасть Женя оперлась плечом на стену дома, дыхание участилось, сердце застучало так, словно собирается сбежать из грудной клетки.

Она с силой сжала пальцы и пробормотала:

– Бред какой-то...

Рядом хриплый мужской голос спросил:

– Сколько?

Подняв ошалелый взгляд на мужчину, который тоже в камзоле, кюлотах, да к тому же с посереженным париком, Женя невнятно отозвалась:

– Чего?

– Сколько за час? – повторил мужчина, явно недовольный, что надо повторять дважды. Сознание плыло. Все еще плохо соображая, Женя покачала головой и спросила:

– Где я?

Мужчина поморщился и брезгливо отшагнул.

– Не в себе... – бросил он. – Его величество дает вам слишком много свободы.

– Где я? – повторила Женя, чувствуя, как во рту пересыхает. – Какой сейчас год?

– Как интересно, – вскинув брови, сказал мужчина. – Это новые игры куртизанок? Мило.

Нужно написать об этом господину Аруэ. Хочешь, буду твоим покровителем? Таким как ты не помешает. Личико премиленькое. Платить не буду, но комнату дам.

Женя подняла на него одуревшие глаза и смогла выдохнуть:

– Пошел вон!

Мужчина вздрогнул, явно не ожидая такой грубости, и заспешил дальше, нервно оглядываясь.

Женя таращила глаза, как выброшенная на берег. В груди все сперло, мир пульсировал и терял привычные очертания. Ощущение реальности размазалось, как манная каша по тарелке. Камзолы, ливреи, кюлоты... Реалистичность. Свербящая, реалистичность. Лилибет, аутентичная комната, странный акцент... Этот мужчина сказал – господину Аруэ... Настоящее имя Вольтера...

– Мамачки... – выдохнула Женя и схватилась за голову. – Этого не может быть... Не может...

Она не верила в подобное. Даже в работе поверья и легенды воспринимала, как суеверный бред. Но с ней произошло то, чего не может быть. Вольтер... Как она оказалась в одном времени с Вольтером...

Мир снова качнулся, звуки расплылись, словно доносятся откуда-то издалека. Ее забила крупная дрожь, захотелось оказаться дома, под одеялом, с чашкой теплого чая и с облегчением подумать, что это лишь сон. Бредовый сон.

Плохо соображая, она обхватила себя за плечи, и невидяще шагнула вперед.

В эту же секунду послышался крик, грохот колес и ржание. Перед лицом мелькнула лошадиная морда, а в следующий момент ее резко дернуло назад.

– Вы в порядке! – закричал в лицо юноша в парике и излишне белым лицом.

Он держал ее за плечи, прижимая к стене. Но Женя тупо гладела на удаляющуюся повозку, которая едка не снесла ее, и не понимала, что делать.

Юноша все еще прижимал к стене, будто боялся, что она сейчас снова кинется под лошадь. Но Женя видела все, словно сквозь дымку.

– Это не возможно... – прошептала она.

Юноша понял это по-своему.

– Возможно, – отозвался он дружелюбно. – Вы остались живы и это совершенно возможно. Где вы живете? Я бы хотел сопроводить вас. Не могу позволить, чтобы вы вновь оказались в неприятностях.

Женя, перевела на него взгляд и подумала – ты даже не представляешь масштаб этих неприятностей.

– Где вы живете? – повторил он, вглядываясь ей в лицо, словно и впрямь беспокоится за ее рассудок. – Вы знаете, где живете? Вы меня понимаете?

Женя кивнула.

– Как вас зовут?

– Ев... Джини, – проговорила Женя, запоздало вспомнив, как сложно было совладать с ее именем Лилибет.

– Евджини? – уточнил юноша.

Женя рассеяно кивнула – издевательство над её именем не самая сложная на данный момент проблема.

Она попала в прошлое. Не в во сне, хотя сейчас было самое время проснуться, а на самом деле. И, судя по обстановке, это век, который незаслуженно назвали веком Просвещения. Она любила историю, любила изучать быт и обычаи предков, но никогда не желала покинуть своего времени, где есть наука, медицина, Интернет... Все, что было до двадцатого века – седая древность. И Женя знала это, как никто другой.

Глядя куда-то перед собой в одну точку, она закусила палец и забормотала:

– Как это... Как это... Что делать... Что...

– Все будет хорошо, – попытался успокоить ее юноша. – Я лорд Адерли. Я провожу вас домой, мисс Евджини.

Он, наконец, отпустил ее, а в голове Жени мысли вспыхнули и заметались, как ополумевшие белки. Как она сюда попала? Надо срочно выяснить, надо вернуться, как можно скорее вернуться...

Видимо, ее взгляд стал совсем диким потому, что лорд Адерли отшатнулся. Но Женя постаралась взять себя в руки, хотя не растерять разум от такого может и человек с более крепкой психикой. Все же она постаралась дышать. Дышать, как ее учили на йоге, чтобы обрести спокойствие и очистить разум.

Она в прошлом, черт их дери. По-настоящему. Взаправду. И как бы ни было жутко, союзников терять не стоит, особенно когда находишь на расстоянии в триста лет от дома.

Сглотнув пересохшим языком, она проговорила, выдавливая из себя восковую улыбку:

– Я остановилась... здесь, недалеко

– Настаиваю на сопровождении, – произнес юноша.

Женя кивнула.

– Не отказываюсь.

Они двинулись обратно по улочке. О голоде Женя забыла напрочь, и теперь думала и лишь о том, как выбраться из этого очаровательного века противоречий. От стресса колени подрагивали, и вообще ее всю била мелкая дрожь. О таком она только смотрела фильмы, причем всегда скептически кривилась. А сейчас...

Юноша шел слева, предусмотрительно огораживая ее от проезжающих мимо колясок. Если бы не ситуация, Женя бы сказала, что он довольно мил. Будет. Когда смоет с себя пудру и снимет белый парик с высокой прической. Но даже сейчас под этой дешевой косметикой прослеживается утонченное лицо аристократа, большие голубые глаза и слегка пухлые губы.

– Сп-па-сибо, – поблагодарила Женя, и запнулась, когда услышала, как заикается.

Лорд Адерли благовоспитанно улыбнулся и проговорил:

– Долг настоящего мужчины защитить женщину, у которой случились неприятности. А у вас они, определенно, случились.

– Не представляете, как вы правы, – отозвалась Женя мрачно.

Лорд Адерли продолжил.

– Мои друзья не разделяют моего мнения, но я твердо уверен, что защиты заслуживает любая женщина. Пусть даже куртизанка.

Слова прозвучали как пощечина. И заметно отрезвили. В третий раз ей намекают на то, что она девица легкого поведения, и это не приятно, пусть даже это говорят люди из прошлого. К тому же она попала в такой период, где женщины все еще бесправны.

– Я не куртизанка, – сказала она, постепенно возвращая голосу твердость и судорожно соображая, как правильно себя вести с этими людьми.

Лицо лорд Адерли вытянулось, он как-то озадаченно на нее посмотрел, видимо теперь не понимая, как идентифицировать ее сословие.

Женя вновь сделала несколько глубокий вдохов и выдохов, стараясь прояснить сознание. Сейчас оно должно быть предельно ясным, впадать в истерику нельзя, нужно придумать, как вернуться.

– Я из далеких земель, – сообщила она уже уверенней, хотя сердце все еще колотится, как у зайца.

– Насколько далеких? – с явным интересом спросил юноша, радуясь, что наконец удалось разговаривать девушку.

– Настолько, что привыкла, что с моим мнением считаются так же, как и с мужским, – отозвалась Женя и покосилась на него.

Она решила сразу прощупать почву, заставить голову работать, это всегда помогало при стрессах. А сейчас он больше походил на катастрофу.

Брови юноши взлетели на лоб, рот раскрылся. Он явно не представлял, что где-то есть страна, где женщины равны мужчине. Женя покривилась – ничего, ты еще через триста лет свою страну не видел.

Он прочистил горло и проговорил:

– Я, конечно, передовых идей, но... По-моему, вас слишком напугала лошадь.

Женя запоздало спохватилась. Нельзя вот так вываливать на людей, только вышедших из средневековья информацию о равноправии. Она постаралась улыбнуться ему, хотя внутри все сжималось, при мысли, что она одна в бескрайнем и еще неизученном мире. Но заставить голову работать оказалось хорошим приемом – мысли потекли чуть ровнее, а сердце перестало ломиться в грудную клетку.

Лорд Адерли проговорил после некоторой паузы:

– Не сочтите за бестактность, но если вы действительно не куртизанка...

– Можете поверить, – отозвалась Женя резко. – Я не куртизанка.

Под белой пудрой щеки лорда Адерли порозовели, он кашлянул и продолжил:

– Не имел намерения вас оскорбить. Но вы должны меня понять. Девушка в таком районе, одна, с распущенными волосами, миловидным личиком... И пусть на вас бархатная накидка, но, извиняюсь, я бы сам решил, что вы продаете здесь тело.

Теперь уже Женя вспыхнула, масштабная паника постепенно сменялась гневом и решительностью все исправить.

– Я повторяю вам в третий раз, – сказала она и послала ему суровый взгляд, – я не куртизанка. Я не продаю тело. Я из далекой страны, где продажа тела строга карается законом. Если вы еще раз назовете меня шлюхой...

Женя многозначительно вытаращилась на него. Лорд Адерли чуть отшатнулся, видимо, действительно не привыкший к тому, что женщины подают голос, причем так открыто и резко.

– Я прошу прощения, – сказал он. – К сожалению, не знаком с нравами вашей страны, название которой вы до сих пор не сказали. Но поверьте, у любого сложилось бы мнение о вас ровно такое же.

– Какое счастье, – фыркнула Женя, все больше приходя в себя.

– И если вы действительно не желаете, чтобы вас путали с ночными дамами, – продолжил лорд Адерли. – Мой настоятельный совет – не бродить в одиночестве по улицам в неподобающем виде. А еще лучше, заручиться поддержкой мужчины и найти покровителя.

– Какое благородство, – бросила Женя морщась, потому что прекрасно помнила, что предложил ей мужчина в синей ливрее.

В словах лорда Адерли тоже сквозил явный подтекст, и не нужно быть ученым, чтобы понять, какого рода поддержка и покровительство может получить женщина в этой замшелой древности.

Лорд Адерли добавил:

– Я говорю это не из намерения вас унижить. Я уже понял, что вы из тех мест, порядки которых мне не понять. Но сейчас вы здесь. И, чтобы обезопасить себя, вам следует соблюдать местные порядки. Подумайте над этим.

– Я усиленно думаю в последние пол часа, – проговорила Женя пытаясь мысленно собрать воедино куски пазла, в котором она каким-то образом провалилась во времени и идет по мостовой рядом с настоящим лордом в камзоле и парике.

Оставалось лишь понять, как это произошло и каким-то образом отмотать все назад. Или вперед. Она уже не понимала.

Когда до дома Лилибет осталось десяток метров, рядом остановилась коляска, из которой в окно выглянуло лицо мужчины, и у Жени почему-то по спине прокатились мурашки. В его лице все кричало о высоком происхождении. Слегка впалые щеки, идеальные черты лица, прямой нос. Слегка прищуренные от солнца глаза придают ему выражение скрытой опасности. Возникло ощущение, что он с одинаковой улыбкой может собирать цветы и пронзать шпагой врага. А напудренный парик и лицо только добавляли двойственности в его образ.

Женя поежилась, а незнакомец в коляске произнес любезным тоном, от которого кровь в венах замерзла:

– Доброе утро, лорд Адерли. Вижу, вы решили придаться утехам плоти в столь ранний час. Ну что ж, все мы не святые. Но не забудьте затем покаяться.

На лице лорда Адерли появилась улыбка, которую Женя определила, как дежурную.

Он сказал:

– И вам хорошего дня, лорд Фэйн. Как вижу, вы сами заехали на эти улицы. И, коль скоро вы беспокоитесь о моей душе, предложу и я свою заботу, рекомендуя поскорее уехать из этого места. И причаститься. Ходят слухи, лорд Фэйн, вам это очень нужно.

– Вы как всегда любезны, лорд Адерли, – с усмешкой отозвался мужчина в коляске и скользнул взглядом по Жене, от чего все внутри съезжилось. – Не смею отвлекать вас от утех.

От этого скрытого оскорбления, Женя в миг забыла обо всем, что придумала, дабы не вызывать подозрений.

– Я не куртизанка! – выпалила она, глядя прямо в глаза этому жутковатому лорду.

Брови у того чуть приподнялись, уголок губ дернулся вверх. Он покосился на лорда Адерли и проговорил:

– Норовистую кобылку вы себе завели, дорогой лорд. Смотрите, как бы она не оказалась вам не по зубам.

После этих слов, он быстро постучал по борту коляски, возникший свистнул, через несколько мгновений экипаж скрылся за поворотом.

Женя все еще кипела. Никогда в жизни ее не оскорбляли таким низким и отвратительным образом. А теперь она в этом дурдоме только и слышит, распутная, распутная... Было в двойне обидно, потому, что в свои двадцать пять у нее был всего один парень, если не считать провальной институтской влюбленности. И то, их отношения сложно было назвать полноценными – он все время ковырялся с компьютерами, а она пропадала на занятиях, а потом в музей. А когда пошла на курсы медсестер, вообще расстались по обоюдному согласию, потому что обоим было не до того.

– Урод, – пробормотала Женя, глядя на опустевшую улицу.

Лорд Адерли сделал вид, что не заметил грубой реплики, но проговорил мрачно:

– Кажется, мисс Евджини, у вас появилась проблема.

Она поморщилась и сдвинула плечами.

– Еще одна к общей куче.

Глава 4

Лорд Адерли посмотрел на нее озадаченно, словно убеждаясь в ее вменяемости, потом проговорил:

– Вы, наверное, не поняли. Лорд Фэйн опасный человек. В ваших интересах было бы держаться от него подальше.

Женя потерла лоб, разгоняя кровь.

– Честное слово, – сказала она, – даже не собиралась искать его общества.

Лорд Адерли вздохнул и сказал:

– Боюсь, теперь он станет искать вашего.

– Какое счастье.

– Сомневаюсь, мисс Евджини, – отозвался лорд Адерли, не заметив иронии, и добавил: – У вас очень необычное имя.

В голове Жени клубились мысли, сталкивались, налетали друг на друга и рассыпались на мириады более мелких, и от того неуловимых. Она пыталась собрать их воедино, но они утекали, как песок сквозь пальцы. Внимание какого-то лорда Фэйна была меньшей проблемой из всего, что случилось. Главная же возвышалась, как Эверест и пульсировала вопросом – как вернуться домой.

Но в этом смятении и хаосе Женя понимала – она сейчас здесь. И сейчас. И пока не найдет способа вернуться, нужно как-то выживать, как-то приспособиться.

– Зовите меня Джини, – сказала она. – Лилибет тоже сложно произносить Евгения.

Это явно подняло настроение лорду Адерли, он улыбнулся и спросил:

– Премного благодарен. А кто такая Лилибет?

– Женщина, которая помогла мне, – ответила Женя, подходя ко входу в дом и толкая дверь. – Сейчас сами увидите.

Теперь Женя смотрела на обстановку другими глазами. Деревянный стол, маленький камин, шкаф с незамысловатой посудой – все это настоящее. Специалист по древностям внутри восторженно шевельнулся, но Женя быстро уняла эмоции. Сейчас есть проблема, а восхищение можно оставить на потом.

Лорд Адерли предусмотрительно заглянул внутрь и лишь затем вошел. Он окинул взглядом комнату и проговорил сдержанно:

– Очень мило.

– Только где все? – озадаченно произнесла Женя.

– Возможно отправились в церковь, – предположил лорд. – Скажите мисс Джини, и поверьте, я не пытаюсь вас оскорбить. Просто... Мне нужно понимать вашу социальную принадлежность, иначе я попросту не смогу помочь, если это потребуется.

Прислушиваясь к шороху, который доносится непонятно откуда, Женя стала быстро прикидывать, что ответить. По ее расчетам она примерно в конце семнадцатого, начале восемнадцатого века. Не так поздно, как могло быть, но не достаточно, чтобы не беспокоиться о выживании. Здесь женщины все еще бесправны, хотя и могут работать горничными и всякими «принеси-подай». Но куда чаще безродные девушки идут в то ремесло, которое ей никак не подходит.

– Видите ли, – начала Женя, продолжая прислушиваться к шороху, – даже не знаю, как вам объяснить. Для начала, повторяю, что я не куртизанка. Там, откуда я родом, я занимаюсь очень уважаемым ремеслом и благодаря ему захожу туда, куда простым людям дорога закрыта. К тому же, сейчас я обладаю некоторыми навыками, эм... лекаря.

Женя еще раз прокрутила в голове сказанное. Она не соврала. Будучи одним из квалифицированных экспертов древности, она часто посещала закрытые выставки и эксклюзивные показы раритетов, общалась с важными людьми. Но ремесло эксперта по древностям в восемнадцатом веке вряд ли оценят, а вот медицинские навыки куда понятнее.

Она с ожиданием посмотрела на изысканное лицо лорда Адерли. Тот двигал бровями, сообщая, что к чему, потом произнес:

– Если я верно понял, мисс Джини, вы посещали известные дома и имели уважение на родине. Стало быть, вероятно, вы относитесь к дворянскому классу. Я верно понял?

Женя снова прокрутила в голове варианты и кивнула.

– Пожалуй, на ваш язык можно перевести и так, – сказала она, опустив подробности о том, что настоящая элита на ее родине забралась куда выше.

Лорд Адерли чему-то закивал, потом потер подбородок.

– Я вам верю, мисс Джини, – сказал он. – Но остальной высший свет едва ли будет таким легковерным. Не смотрите на меня так, я думаю о будущем. У вас есть какие-то бумаги, ордена, почетные медали? Возможно, если в вашей стране такие необычные законы, то и знаки отличия женщинам выдают? Не сочтите за грубость.

Женя пожала плечами и улыбнулась, понимая, что сможет убедить документами, даже если они не похожи на те, что лорд видел прежде. Она оставила паспорт в сумке, в потайном кармане. Но тут, наконец, поняла, откуда доносится шорох.

Вскинувшись, она решительно прошагала к комнате, которую любезно предоставили Лилибет и ее брат. Распахнув дверь, Женя застыла, обнаружив брата женщины, спешно роющегося в ее сумке. Тот резко обернулся и тоже застыл с открытым ртом.

Женя оторопело проговорила:

– Это что?

Мужчина стал медленно подниматься, видимо забыв, что сжимает в пальцах «пауэр-бэнк». Женя метнула на нее взгляд, лицо брата Лилибет становилось бледнее, губы начали что-то лепетать, но прежде, чем он выкрикнул «ведьма», Женя успела проговорить быстро и резко:

– Зачем вы роетесь в моих вещах? Зачем вам молоток?

По лицу мужчины скользнуло недоумение, он опустил растерянный взгляд на гладкий блестящий предмет в руке.

– Молоток? – проговорил он медленно.

– Конечно молоток, – отозвалась Женя, чувствуя, как неубедительно выглядит, но отступить некуда, а значит, надо говорить эту чушь еще уверенней. – Наконечник. Из очень дорогого материала повышенной прочности. Вы хотели его украсть? Хорошо же вы принимаете гостей. Даже не думала, что оставив свои скромные пожитки здесь, я подвергнусь досмотру.

Со спины подошел лорд Адерли, Женя молилась, чтобы ее изворот удался. Появление дворянина в комнатке на брата Лилибет подействовало, как удар. Глаза мужичка стали еще круглее, пальцы разжались, «пауэр-бэнк» грохнулась на пол, и Женя болезненно скривилась – уголок сильно смяло.

– Что тут происходит? – поинтересовался лорд Адерли.

Мужчина забормотал, склоняя голову:

– М-милорд... Какая честь...

Чувствуя, что контроль над ситуацией вот-вот вернется, Женя поспешила сообщить:

– Этот господин дал мне приют. Но, как видите, сейчас роется в моих вещах.

Под припудренными щеками лорда проступило розовое, глаза возмущенно сверкнули.

– Вы понимаете, чем это грозит? – спросил он брата Лилибет.

У того, наконец, прошел ступор и его прорвало.

– О, прошу смилуйтесь надо мной. Поверьте, я не мыслили ничего дурного. Просто девушка пришедшая, разговаривает странно. Не мог я, не мог так оставить. Это Лилибет вино-

вата. Это она привела ее. Подобрала на дороге. Прямо пешком, говорит, шла. А как пришлых чужих в дом звать? Я ж не знаю, кто такая. Вот и полез разузнать. А там все совсем странное! Вы сами поглядите, милорд. Поглядите!

Мужчину затрясло, он стал отчаянно указывать на сумку, в которой лежат провода для зарядки, бутылка «Фанты», косметика, немного вещей. Все это вполне терпимо, но раскладной фен лучше не показывать.

Женя на секунду застыла, судорожно придумывая, что сказать, но лорд Адерли ее опередил.

– Полагаете, что я, как последний пройдоха, полезу в саквояж леди, чтобы осрамить ее, разглядывая личные предметы туалета? – спросил он возмущенно.

– Но вы должны поглядеть, – проговорил мужчина, переводя испуганный взгляд с меня на лорда и обратно. – Эта женщина никак ведьма!

– Что вы себе позволяете! – выдохнул лорд Адерли. – Мы живем в век просвещения, я не позволю, чтобы при мне беспочвенно обвиняли женщину в ереси!

Ситуация вновь становилась шаткой, Женя поняла – если ничего не предпринять, этот деревенщина наболтает, убедит лорда, тогда дело может дойти до церкви. А она даже в восемнадцатом столетии имела силу.

– Я готова обо всем забыть, – проговорила она поспешно, – если господин... эм... Не знаю, как вас зовут, принесет извинения и больше не станет лазить по моим вещам.

Лорд Адерли выступил вперед и вскинул подбородок, презрительно косясь на мужичка.

– Разумеется, он не станет. Поскольку мой долг, как настоящего мужчины, избавить вас от его общества и предложить свою помощь, – сообщил он важно.

Такого поворота Женя не ожидала, но промедление могло разрушить паутину ее изво- ротов.

– Какого рода помощь? – на всякий случай спросила она, помня, как за все здесь любят просить плату натурой.

– Можете быть спокойны, мисс Джини, – произнес лорд, выпрямляясь еще сильнее. – Мой дом станет вашей надежной крепостью, если вы, конечно, согласитесь. Я не потребую ничего взамен, ибо поступок мой бескорыстен, как и должно быть в такой ситуации.

Помпезность и вычурность речи слегка насмешили, но Женя не подала вида. Она прошла вперед, обойдя брата Лилибет и вынула из потайного кармана сумки паспорт. В новой цветной обложке, он не вписывался в этот мир, но Женя решила идти ва-банк.

– Вот мои бумаги, – сообщила она как можно непринуждённой и подошла к лорду, раскрыв перед ним паспорт. – Видите, меня рисовал лучший портретист, а бычий пузырь очищен до кристальной прозрачности. Видите, даже чернила не расплылись. Все видно. Вот указано, где я живу.

Никогда еще Женя так лихо не врал. Лорд Адерли смотрел на паспорт с явным изумлением, но тон Жени все же сыграл свое дело. Осторожно, словно боится, что паспорт сейчас оживет и укусит за палец, он взял его и принялся изучать с таким видом, словно все понимает и потому очень внимателен.

– У вас очень хорошие портретисты, – сообщил он, водя пальцем по гладкой пленке поверх страницы с фотографией. – И бычий пузырь... Великолепная технология. Не поделитесь?

Женя пожала плечами и улыбнулась так невинно, насколько умела.

– У нас этим занимается специальный человек, – ответила она. – Я не знаю, как это делается.

– А, ну да, конечно, – с пониманием протянул лорд, – а вот это что за цифры?

Он указал на дату рождения.

– Количество коров, – не моргнув глазом сообщила Женя.

– Коров?

– Да, – подтвердила она. – Коровы, они дают молоко. У меня поголовье.

– Оу, – выдохнул лорд Адерли и бережно вернул паспорт Жене. – Ну, раз поголовье, тогда все понятно.

У Жени осталось стойкое ощущение, что лорду не понятно ничего, но ему совсем не хочется выглядеть дураком, тем более перед женщиной и простым мужиком.

Она решила закрепить результат.

– Я знала, что такой человек как вы, сразу во всем разберется, – сообщила она и улыбнулась. – Тут ведь все действительно понятно.

– Гм, да, – согласился лорд Адерли, кивая. – Безусловно.

– Тогда, – проговорила Женья, – я бы хотела собрать вещи. Вы позволите сделать это без посторонних?

Лорд Адерли вскинулся и произнес поспешно:

– О, разумеется!

Он взглядом указал брату Лилибет на выход. Тот трясаясь и оглядываясь на Женю, поспешил покинуть комнату.

Когда двери за ними затворились, Женья шумно выдохнула и опустилась на кровать. Опустив лицо в ладони, она некоторое время сидела и просто дышала, приводя хаос в голове хоть в какую-то последовательность.

Она не ожидала от себя подобной изворотливости и сейчас от этого немного потряхивало.

– Так... – прошептала она в ладони. – Так... всё нормально. Меня не раскрыли. И лучше, чтобы это пока так и оставалось.

Говорить о том, что она пришелец из будущего, было действительно плохой идеей. Во-первых, никто не поверит, во-вторых, из-за таких речей точно может нагряться святая инквизиция. Но сейчас можно немного расслабиться. Совсем немного. Лорд Адерли кажется нормальным, он убедит брата Лилибет помалкивать. И она правильно сделала, что полезла в дворянство. У дворян больше прав и возможностей. А значит, можно начать искать способ вернуться домой.

Растерев лицо ладонями, она поднялась и быстро стребла разбросанные вещи в сумку. Откуда-то подул ветерок, Женья оглянулась, но окно закрыто. Отчего-то стало жутко, показалось, за ней кто-то наблюдает, но глаза четко говорят – она в комнате одна.

Списав это на стресс, она потрясла головой – сейчас и так слишком сложная ситуация, чтобы обращать внимание на игру воспаленного воображения. Затем поплотнее запахнула накидку, на этот раз тщательно проверив, чтобы нигде не выглядывали джинсы, и вышла.

Лорд Адерли стоял возле окна с прямой, как жердь спиной, и величаво взирал на улицу. Брат Лилибет сидел на табуретке с виноватым видом и впивался пальцами в колено. Когда Женья появилась, оба обернулись, а она произнесла:

– Я готова.

– Тогда не более не медлим, – сказал лорд Адерли и пригласил ее к выходу.

Женья направилась к двери, но прямо возле них оглянулась и проговорила брату Лилибет:

– Передайте вашей сестре мою благодарность. Без нее мне бы пришлось туго. На вас я тоже не в обиде.

Тот кивнул, а лорд произнес:

– Не тревожьтесь об этом. Он получил компенсацию за хлопоты.

Брови Жени приподнялись. С этим изумлением она покинула дом. Лорд быстро организовал коляску, и уже через несколько минут, они ехали в закрытом экипаже.

Транспорт потряхивало на брусчатке, пружин под сидениями было явно недостаточно, чтобы нормально амортизировать, и Женья, то и дело, цеплялась пальцами за ручки.

– Вам удобно? – спросил лорд Адерли после очередной кочки, из-за которой Женя полетела до самого потолка.

– Очень, – выдавила она.

Прежде она очень не любила мягких подвесок у автомобилей, но сейчас была бы счастлива, если б у этой колымаги ход был хоть немного мягче.

Спустя пол часа тряски и подпрыгивания, Женя, наконец, покинула эту душегубку. В коляске ее растрясло, пришлось несколько минут стоять перед помпезным домом, согнувшись, и отмахиваться от лорда Адерли, который с обеспокоенным видом бегаёт вокруг и не знает, что делать.

– Может вам воды? – тревожно спрашивал он. – Или веер? Или нюхательную соль?

– Дайте отдышаться, – бросила Женя, постепенно приходя в себя.

В конце концов, тело от тряски зудеть прекратило, а все еще пустой желудок перестал стремиться вверх.

– Фух, – выдохнула она, выпрямляясь. – Вы герои, если каждый день на этом ездите.

Лорд Адерли как-то виновато вздохнул.

– Прошу простить, – сказал он. – Городские коляски не отличаются удобством. Но могу заверить, мои личные экипажи куда приятнее.

– Проверять не хочется, – бросила Женя и покосилась вниз, где подол накидки распахнулся и выглядывают синие «Левисы». Поспешно прикрыв их, Женя проговорила:

– Лорд Адерли, верно? У меня будет к вам еще одна просьба, если вы не против.

– Для леди, оказавшейся в беде, все, что угодно, – с готовностью произнес он.

– Дело в том, что моя одежда безвозвратно утеряна, – сказала она. – А постоянно ходить в этой накидке...

– Ни слова более, – горячо заявил лорд. – Вас снабдят всем необходимым.

Женя выдохнула. Коляска уехала, но из-за угла выкатилась другая, смутно знакомая, а когда она притормозила возле них, из окна показалось лицо мужчины, от которого стыла кровь.

– О, лорд Адерли, смотрю ваша новая спутница очень вам угодила, если вы соизволили пригласить ее прямо в дом, – сказал лорд Фэйн, ухмыляясь, как дикий кот.

Он обращался к мужчине, но смотрел неотрывно на Женю, и ее разрывали противоречивые желание – спрятаться за спину Адерли или влупить Фэйну промеж глаз чем-нибудь тяжелым.

Лорд Адерли выдержал удар и произнес спокойно:

– Ваше неумение разбираться в людях поистине удивительно. Только вы могли не заметить, что рядом со мной благородная дама.

– Благородная дама? – переспросил лорд Фэйн и заскользил по Жене взглядом, который словно проникает под кожу. – Что ж, тогда приношу глубочайшие извинения, если оскорбил вас своим невежеством, мисс. К сожалению, лорд Адерли не был так любезен, чтобы представить нас. И все же в качестве акта примирения приглашаю вас обоих на прием к городскому судье. Сегодня же вечером. Непременно приезжайте. Судья будет очень расстроен, если узнает, что кто-то пренебрег его обществом.

Лицо лорда Фэйна озарилось улыбкой хищника, который загоняет добычу в угол. Женя буквально ощутила, как напрягся лорд Адерли, но промолчала, поскольку не знала тонкостей в общении местной знати.

– Благодарю за приглашение, лорд Фэйн, – проговорил Адерли с натянутой улыбкой.

– До вечера, благородная дама, – отозвался тот и дал сигнал кучеру.

Когда его повозка скрылась, Женя проговорила:

– Он что, следит за вами?

Лорд Адерли передернул плечами.

– Скорее, за вами, – бросил он нервно.

Глава 5

Женя невольно ощутила, как внутри все напряглось. Проблемы с местной знатью – это последнее, что сейчас нужно. Она поежилась и спросила:

– И что ему от меня надо?

Ноздри лорда Адерли раздулись, кулаки сжались, он проговорил, глядя ну улицу, где коляски уже давно нет:

– Лорд Фэйн имеет очень глубокую родословную и весьма уважаем в свете.

– И как это относится к моему вопросу? – не поняла Женя.

Лорд Адерли сделала несколько глубоких вдохов и проговорил, явно с трудом сдерживая напряжение:

– Дело в том, что он состоятелен, хотя и имеет дурную славу. А если ему что-то взбрело в голову, он не откажется от этого, пусть даже небеса с землей поменяются местами.

– И?

– Неужели вы не понимаете? – обессиленно произнес лорд Адерли и повернулся к ней. – Первая встреча с ним была случайностью. Но вторая... Совершенно очевидно, что он искал ее. И готов поставить свой парик, интересовался он отнюдь не мной.

Продравшись сквозь витиеватость изъяснений и вычурность, до Жени наконец дошло, что пытается сказать лорд.

– Так он на меня запал? – спросила она оторопело.

– Что простите? – не понял тот.

Быстро придя в себя от изумления Женя спохватилась и пояснила:

– Это у меня родине расхожее выражение. Оно значит, что кто-то кем-то сильно увлекся.

Припудренные брови лорда Адерли сдвинулись, он проговорил:

– Увлекся – это слишком благородное слово для такого, как Фэйн. О нем ходят разные слухи. Мне не известно, какие из них правда, а какие нет, но даже если половина не врет, я бы сдал его в руки святой инквизиции. И хотя она не имеет прежней силы, ради такого, уверен, стоит возродить былые традиции.

При этих словах Женю передернуло, в голову полезла дребедень, но она поспешно отогнала её, и постаралась мыслить здраво. Если этот Фэйн замечен в алхимии, науке или чем-то еще, то знакомство с ним может быть нужным. Очень нужным, учитывая ее положение. Даже если он опасен. Но куда опасней оставаться в эпохе, где никто не слышал о прививках от столбняка.

– А что, лорд Фэйн занимается, эм... Чем? Магией? Наукой? – спросила она, стараясь, чтобы голос звучал непринужденно.

Лорд Адерли нервно укусил губу, на лице отразилась какая-то беспомощность, но он быстро взял себя в руки и ответил:

– Я не знаю. Это слухи. Причем неподтвержденные. И даже если на него напишут донос, денег Фэйна хватить, чтобы замаять историю, и сделать так, чтобы доносчик больше никогда не доносил. Ни на кого. Нужны факты и доказательства, а в них лорд Фэйн, к сожалению или к счастью, замечен не был.

Женя чувствовала, что лезет в какие-то неприятности, но она и так погрязла в них по самое горло. Поэтому уточнила, соображая, как лучше использовать новую информацию:

– И он пригласил нас на прием?

Лорд Адерли кивнул.

– Пригласил, – сказал он как-то расстроенно. – И к моему глубокому сожалению, отказаться не получится. Слышали, что он сказал? Верховный судья! А это значит, не явись мы на прием, судья сочтет это оскорблением.

– Как все сложно, – сказал Женя, вытирая лицо.

– Прошу извинить, что не смог дать вам защиту надежнее, – произнес лорд Адерли чуть дрогнувшим голосом. – Можете быть уверены, на приеме я сделаю все, чтобы вы были в безопасности. И мое предложение все так же в силе. Вы можете разместиться в моем доме, вам предоставят все необходимое.

Озадаченная новыми данными, Женя позволила сопроводить себя по ступенькам в дом. Тот оказался примерно таким, как и представляла – светлым, с лепниной на потолках, подсвечниками на стенах и диванами, обитыми атласом.

Едва они оказались внутри, откуда-то взялась горничная в белом переднике. Стала приседать в поклоне выполнять какие-то приказы.

Лорд Адерли распорядился, чтобы для Жени подготовили комнату, а пока горничные заняты этим, пригласил в столовую отзавтракать.

Женя старалась вести себя сдержанно, насколько это позволяло ее понимание о сдержанности. Разрешила усадить себя на стул, рассеянно наблюдала, как выкладывают приборы, смутно думая, что понятия не имеет какая вилка за чем следует. Но в основном ее мысли занял лорд Фэйн и его связь с наукой, или, о чем там говорил Адерли. Если этот человек, пусть и опасный, что-то знает об артефактах, перемещениях... О чем угодно. Это лучше, чем ничего. И рискнуть, чтобы это узнать, все же стоит.

– Паштет или яйца?

Женя вздрогнула и подняла рассеянный взгляд на лорд Адерли.

– Что? – спросила она.

Тот повторил:

– Вы предпочитаете паштет или яйца к гренкам?

Быстро вернувшись в реальность, Женя хотела было сказать «паштет», но когда вспомнила, где находится и в каких условиях могли делать этот паштет, нос невольно сморщился.

– Яйца, – сказала она уверенно. – Варенные. Вкрутую.

– Мэри, – скомандовал лорд Адерли, щелкнув пальцами.

Служанка в белом переднике выпорхнула откуда-то и выставила перед Женей серебряную пашотницу на тарелочке, а к ней ложечку с расширенным кончиком.

Женя покосилась на лорда, щури левый глаз, и спросила:

– Вы уверены, что они хорошо проварились?

– Безусловно, – заверил тот.

– Тогда зачем мне ложка?

– Но...

Он не закончил, потому что вытаращился, глядя как Женя качая головой, вытщила яйцо из тарелки и крутанула его. То послушно завращалось. Женя с удовлетворенным видом быстро обстучала яйцо и лихо очистила. Затем осторожно откусила, косясь на слегка посиневший желток, и стала жевать.

– Действительно, проварились, – сказала она.

Лорд Адерли все еще глазел на нее, и Женя невольно подумала, не слишком ли резко контрастирует с привычным ему бытом. Но сейчас очень хотелось есть.

Молодой человек покашлял и проговорил, оттягивая ворот:

– Весьма эпатажно.

Женя все-таки решила смягчить момент.

– Не думайте обо мне плохо, – сказала она. – Просто не ела со вчерашнего дня. Очень устала и дико хочу помыться. Не хочу казаться навязчивой и неблагодарной, но если у вас найдется какое-нибудь корыто и горячая вода, я буду счастлива.

Длинная речь явно смутила лорда, лицо под пудрой порозовело. Он отправил в рот кусочек омлета, и прожевав, проговорил:

– Это не совсем привычно, но вам повезло. Я держу в доме бадью на непредвиденные случаи. Думаю, вам должно подойти.

– Спасибо, – отозвалась Женя, дожевывая яйцо.

Потом под пристальным вниманием лорда Адерли она принялась за кашу, которую подали следом. Она искренне порадовалась, что не пришлось воевать со столовыми приборами. От фруктов отказалась, решив, что не знает, мыли их или нет, зато хлеба умяла несколько кусков, про запас.

Насытившись, она постаралась как можно деликатней промокнуть губы салфеткой, искренне веря, что она стирания. Лорд Адерли проговорил:

– Ваши манеры отличаются от наших.

– Я кажусь вам... Какой? – спросила Женя, судорожно вспоминая правила этикета европейского дворянства в эпоху Просвещения.

Она умела оценить предмет, закопаться в его историю, определить эпоху и даже область использования. Но что касалось этикета и психологии отношений, эти предметы она не слишком любила в институте. А потому, когда окончила его, забыла, как страшный сон.

– Не могу сказать, что они дурные, – как-то смущенно произнес лорд. – Вы держитесь раскованно, но аккуратно. Словно вас есть нечто такое... Простите мою откровенность. Такое... Будто вы несете бремя тайны, которая дает вам внутреннюю силу. Или, может, это напротив напряжение. Пока я не могу понять.

Женя насторожилась. Пускаться в откровения с этим милым лордом из прошлого плохая идея. Она спешно выпрямилась и произнесла как можно строже, подражая дамам из фильмов под старину:

– Мне кажется, это несколько неуместно.

Лорд моментально вскинулся.

– О, я не имел намерения... – проговорил он поспешно и поднялся. – Я распоряжусь, чтобы вам организовали омовение.

Он снова поправил воротник и торопливо вышел.

Оставшись одна Женя немного выдохнула.

– Пошли дела кое-как, – прошептала она себе.

Спустя несколько минут явилась служанка и сопроводила ее на второй этаж в комнату, какой Женя и во сне не увидела бы. Светлая, с большими окнами и кроватью с балдахином. В середине диван, расшитый атласом, перед ним круглый столик на винтажной ножке.

– Красиво, – впечатленно проговорила Женя, оглядывая комнату.

– Спасибо госпожа, – проговорила служанка. – Мы следим за чистотой.

– Вы не представляете, какой бальзам на мою душу ваши слова, – отозвалась Женя и прошла в комнату.

Осторожно проведя ладонью по покрывалу, она отметила, что они тоже из атласа. На вид чистые, что вообще-то тоже не обычно для этих времен. Учитывая сногсшибательный запах, который вьется над городом, в доме лорда Адерли вполне сносно.

В коридоре загремело. Через несколько мгновений в дверь вкатили кадку, в которой, если постараться, можно уместиться сидя. Два мужчины в простой одежде, от которых пахнет лошаадьми, быстро поместили кадку в середину комнаты.

– Вот, госпожа, – произнес один, вытирая нос. – Готово. Воды только таскать осталось.

Служанка строго посмотрела на мужчину и сказала:

– Так таскайте.

Через некоторое время перед Женей исходила паром вода, а служанка вежливо произнесла:

– Хозяин приказал остаться и помочь вам с мытьем.

Женя испуганно оглянулась на нее.

– Не надо, – быстро сказала она, и на немой вопрос служанки ответила: – На моей родине это не принято. Спасибо за предложение. Но с мытьем я справлюсь сама.

– Но...

– У нас с детства все учатся делать это сами, – с нажимом сказала Женя.

Когда оторопевшую служанку удалось выпроводить за дверь, она прижалась спиной к двери и некоторое время так стояла, переводя дух. Затем подошла к кадке, пока вода не остыла, и быстро раздевшись, залезла в воду.

Теплая вода быстро расслабила затвердевшие от напряжения мышцы, и Женя едва не застонала от удовольствия. Посидев с откинутой головой минут десять, она пришла в себя. Вода всегда действовала на нее успокаивающе. Потом села и поискала мыло. Его, естественно не оказалось. Пришлось достать платок из кармана, к счастью, не использованный, и тщательно отскоблить им все тело.

Закончив, на покосилась на него и поморщила нос – платок из светло-голубого превратился в серый. Она швырнула его в воду и поднялась.

В этот момент в дверь и на пороге возник лорд Адерли с перекинутым через обе руки нарядом.

От неожиданности оба замерли. Женя хлопала ресницами, чувствуя, как по коже стекают холодные капли, лорд Адерли тарачился одуревшими глазами, рот раскрылся. Он смотрел, как голодный бродяга, который неожиданно набрел на стол с обедом, но еда под прозрачными крышками, и не понятно – как их открыть.

Женя в себя пришла быстрее. Пылая, как школьница, она цапнула простынь, специально приготовленную вместо полотенца, и мигом прикрылась.

– Почему вы не постучали? – резко спросила она и впилась взглядом в лорда. – Вас не учили стучать?

Тот нервно сглотнул и моргнул, перед его глазами явно все еще стояла пикантная картина.

– Я... стучал... – проговорил он наконец.

– Или скреблись, чтоб я не услышала?

– Как вы можете?... – только и смог выдавить лорд. – Я бы никогда...

Женя спешно вылезла из кадки и плотней закуталась в простынь. Краем глаза она видела, как заалели щеки лорда, и ему действительно неловко до такой степени, что готов провалиться под пол прямо тут. Сама она испытывала смесь стыда и возмущения, но едва взгляд упал на кучку вещей на полу, на смену тут же пришел страх. Если лорд из восемнадцатого века увидит джинсы и блузку, возникнут вопросы.

Нежелательные.

Пока лорд Адерли краснел и хлопал ресницами, Женя метнулась к вещам. Запутавшись в простыни, она едва не рухнула, но лорд Адерли подоспел на помощь. Ухватив ее под локоть, он старательно отвернулся.

Женя перепугалась, что ее разоблачат. Она спешно пнула кучку вещей под кровать и проговорила, косясь вниз, словно вещи могут ожить и сказать «наша хозяйка из двадцать первого века»:

– Лорд Адерли, разве вам не следует выйти?

Лорд Адерли моментально отпустил локоть, лицо сделалось окончательно пунцовым. Он резко развернулся и, бросив невнятное «извините», ринулся к выходу.

– Лорд Адерли, – окликнула его Женя. – А платье?

Мужчина остановился. По его выпрямленной спине ясно – он смущен, обескуражен, сбит с толку, но отчаянно старается сохранить лицо.

– Ра-разумеется, – хрипло проговорил он.

Затем, вновь повернувшись к Жене и стараясь смотреть мимо нее, он приблизился к кровати и опустил на нее платье.

– Благодарю, – сказала Женя, чувствуя, что ее щеки горят, а выдержка тает, как весенний снег на солнце. Она в одной лишь простыни, которая намочла и непотребно облепила все выпуклости, перед незнакомым мужчиной из прошлого.

Колени начали подрагивать, но она изо всех сил постаралась сохранить самообладание.

Лорд развернулся через противоположную от Жени сторону и устремил взгляд на дверь, поправляя воротник.

– Прошу принять мои извинения, – проговорил он охрипшим от волнения голосом. – Я лишь хотел лично принести вам наряд. Я стучал, но решил, что вы вышли... Я прошу меня простить. Ваше благочестие никак не пострадает. Вы можете быть уверены. Остальное принесет горничная.

С этими словами он решительно направился к выходу. Когда дверь за ним закрылась, Женя натужно выдохнула и опустилась на край кровати.

Пребывание здесь становилось все опаснее. Если ее раскроют, точно отправят на костер, несмотря на то, что в эту эпоху так поступать уже не должны. Нужно что-то делать, но что – никак не получалось придумать.

– Думай, Женя. Думай, – проговорила она себе, обхватив пальцами голову. – Надо отмотать все назад, и вспомнить. Когда все это началось...

Она помнила, что на перроне все было нормально, если не считать чопорных местных. Потом автобус, вполне себе современный. Мобильник работал до самой ярмарки. И там тоже все были хоть и бестолковыми, но точно современными. Затем мистер Шайн с его контролершей. И снова все в порядке. Он вообще вел себя очень любезно. А потом она ковырялась с реликвией, которая ее уколола и привела в действие какой-то механизм.

– Так... – пробормотала она под нос, чувствуя, что нащупала что-то, и продолжила рассуждать.

Была вспышка, потом она вышла в коридор. В коридоре все оставалось по-прежнему, музей не изменился. Хотя... О чем она? Изменились экспонаты. Точнее, исчезли. А потом резко поредевший фестиваль, рыбак, предлагающий платить натурой...

– Мое перемещение явно связано с музеем, – сказала себе Женя. – И с реликвией.

Сердце затрепетало от осознания, что поняла, в какую сторону думать и где искать. Оставалось вернуться в музей, понять, как эта реликвия сотворила такое и заставить ее вернуть все на место. Но, что бы это сделать, нужно продержаться. Нужно заручиться поддержкой, помощью, иначе в этом безумном мире ей не выжить. И нужно постараться сойти за свою. Хотя бы не много.

Простынь окончательно остыла, воздух в комнате тоже прохладный, и теперь Женю потряхивало. Первым порывом было облачиться в джинсы и блузку, но взгляд упал на платье. Она вздохнула – чтобы вернуться домой, нужно пользоваться мозгами, а не эмоциями.

Наклонившись, она вытащила из-под кровати одежду и сложила. Затем покрутила головой в поисках своей сумки. Горничная благоразумно оставила ее на полу возле комода. Туда Женя и спрятала свое одеяние. Затем убрала сумку в комод и прикрыла простынями, надеясь, что так обеспечит им хоть какую-то сохранность.

Стянув с себя мокрую простынь, она швырнула ее на пол и попыталась влезть в платье. Это оказалось почти непосильной задачей – ткань грубая, отделка топорная, куча завязок...

К тому же, она уверена – платье далеко не все части туалета, который ей полагается надеть. Должно быть какое-то исподнее, иначе этой тканью можно кожу ободрать.

Ворча, Женя выбралась из него и, обмотавшись сухой простыней, подошла к двери. Осторожно приоткрыв, она высунула нос, и чуть не отшатнулась, когда увидела перед собой Мэри, служанку.

Та быстро присела и проговорила склонив голову:

– Милорд прислал меня, чтобы помочь леди одеться.

Глава 6

От неожиданности Женя впала в ступор и несколько секунд тупо смотрела на прислугу. Та любезно улыбалась желтоватыми зубами, но Женя смутно понимала – это не самые плохие зубы в этой эпохе.

Наконец она пришла в себя и проговорила, пропуская Мэри в комнату:

– Это очень кстати. Очень.

Потом Жене пришлось бороться со смущением, поскольку привычки обнажаться перед незнакомыми людьми не имела. И даже, когда посещала женского врача, всегда предварительно убеждалась, что он женщина.

Мэри на мужчину совсем не походила. Однако оголять зад перед ней тоже не хотелось. Поэтому она придумала план, как сохранить стыд, но при этом умудриться одеться. Усевшись позади служанки на кресле, она, все еще закутанная в простынь, наблюдала, как та раскладывает одежду.

– Я принесла вам очень хорошие нижние юбки, – рассказывала она. – Из льна. И еще нижнюю сорочку. Также очень приятную. Вы можете спросить, откуда я знаю, что они приятные, ведь такие носят только господа. Но поверьте, я никогда ничего не крада. А сорочку мне подарила бывшая хозяйка. Она была очень стара, но меня любила. А когда она умерла, я поступила на работу к господину Лесли Адерли...

Женя слушала в пол уха, про себя отметив, что теперь хотя бы знает, как зовут лорда Адерли. Но куда больше интересовала сорочка, которая лежит на самом краю постели.

– Одну минуту, госпожа, – проговорила служанка, приседая в поклоне, – я только намочу руки, чтобы разгладить ваше платье.

Она отошла к кадке, которая осталась от купания. Женя же, не теряя времени, кинулась к постели и мигом скинула простынь, схватив нижнюю сорочку.

В этот момент служанка обернулась. На секунду они обе застыли. Женя от смущения. Но служанка не смогла двинуться явно от удивления и любопытства. В следующую секунду Женя уже стояла облаченной в молочно-белую рубаху из льна до бедра.

– Что-то не так? – на всякий случай спросила она.

Щеки служанки стали пунцоветь, она спешно отвела взгляд. Жене это не понравилось – не может прислуга, которая всю жизнь переодевает господ, смутиться от голой женщины.

Но Мэри поглядывала на нее из-под бровей, щеки всё ещё розовые. Она старательно разглаживала ткань платья на кровати, а Женя сложила руки на груди и судорожно думала, что произошло.

В конце концов, она повторила:

– Мэри, ответ пожалуйста, что не так? Лорд Адерли сообщал, что я из далекой страны? Поэтому мне не известны ваши порядки. Если я чем-то обидела, скажи. Не хочу, чтобы у нас были проблемы.

Служанка как-то вскинулась, румянец от щек сразу отлил, она побледнела.

– О, госпожа, – выдохнула она, прижав к груди одну из рубашек, – пожалуйста, не гневись. Я не хотела вас оскорбить... Я лишь... Прости те меня...

– Так, – прервала ее тираду Женя, вскинув ладонь, – спокойно. Я тебя не обвиняю ни в чем. Все нормально. Просто скажи, если что-то не так. Я не цербер, не кусаюсь.

Упоминание библейского пса подействовало на служанку еще сильнее, она затряслась.

– Умоляю... – прошептала она. – У меня есть только эта работа, не...

– Мэри, успокойся, – повторила Женя, чувствуя, что начинает раздражаться от этой неуместной учтивости. – Чем я тебя напугала? Обещаю, с тобой ничего не случится. Я ничего

никому не скажу, и никто тебя не обидит. Но я действительно не знаю ваших порядков. Помогите разобраться. Подумай сама, если я тебя так выбила из колеи, то и других могу. А это грозит сложностями. И мне они не нужны. Понимаешь?

Взгляд Мэри стал немного осмысленней, колотить ее постепенно перестало, хотя глаза все еще оставались, как у олененка.

– Вы действительно не сердитесь? – спросила она на всякий случай.

– Да за что мне на тебя сердиться? – не выдержав, воскликнула Женя.

Мэри сделала глубокий вдох и выдох, затем взгляд уперся в пол, а она смиренно произнесла:

– За то, что посмела смотреть на вас дольше позволенного. И что вообще посмела... И посмела смотреть прямо на...

– Чего? – не поняла Женя.

Служанка вздрогнула, пришлось спешно исправляться.

– Я имею в виду, почему тебе нельзя на меня смотреть?

– Вы же госпожа, – даже немного удивленно сказала Мэри. – Но...

Повисла пауза. Лицо служанки вновь стало покрываться красными пятнами.

Женя подбодрила:

– Ну-ну?

Та, наконец, продолжила:

– Но... Вы так необычно выглядите.

– В каком смысле? – с искренним изумлением спросила Женя.

– У вас очень ухоженная кожа, даже на вид, – начала объяснять служанка смущаясь, как школьница. – И цвет ровный, без прыщей и следов оспы. И еще у вас нет волос...

– Как это нет? – оторопело спросила Женя. – А это что?

Она указала на голову, но через секунду до нее дошло, о каких волосах говорит служанка, которая уже не знает, куда деть глаза. Женя сконфуженно поморщилась. Конечно. Волосы. Она уже полгода ходит на лазерную эпиляцию. Удалила волосы на ногах, подмышками и в том, месте, где волосы вообще, по ее мнению, ошибка эволюции. Там она оставила лишь узкую дорожку, для красоты. Естественно, об эпиляции во времена Вольтера в Европе не слышали. А если и слышали, то не все.

Закусив губу, Женя начала:

– Дело в том, Мэри, что в местах, откуда я родом, не принято ходить с... ну, с волосами. Понимаешь? У нас их удаляют.

– Зачем?

Искренний и невинный вопрос служанки слегка озадачил.

– Ну... Для красоты, – сказала она.

– А разве не лучше, когда там мягко? – все с тем же искренним интересом спросила служанка.

Женя посмотрела на нее растерянно, и шумно сглотнула.

– Что? Мягко? Нет. И без них куда гигиеничнее. Поверь мне. В гигиене я кое-что понимаю.

– И как вы их убираете? – не отступала Мэри. – Выжигаете?

– Э... – протянула Женя. – Некоторые действительно выжигают. Но не так, как ты подумала. В твоём случае, лучше считать, что их выдергивают. Методично. По волоску.

– Это долго и больно, – заключила служанка.

– Зато не растут пару недель, – отозвалась Женя.

Они замолчали. Служанка явно обдумывала услышанное. Женя буквально слышала, как в ее голове вертятся шестеренки. И еще она знала, что вечером о том, что у лорда Адерли поселилась дама без волос между ног, будет знать вся прислуга дома. Если не больше.

Не желая больше уделять этому внимания, Женя потянулась к платью, собираясь надеть поверх сорочки. Но служанка, словно вывалилась из сна, встрепенулась и спросила торопливо:

– Госпожа, что вы делаете?

– Пытаюсь одеться, – сообщила Женя. – Разве не видно?

– Но вы не в том порядке одеваетесь, – выдохнула Мэри.

Выяснилось, что после нижней сорочки следует еще ворох рубах и корсет, который должен стягивать талию и делать фигуру тоньше. Когда служанка начала его затягивать, показалось, внутренности сейчас полезут через рот. Спустя минуту мучений, Женя, несмотря на охи и ахи служанки, наотрез отказалась его надевать.

– Мне дороги мои ребра и все, что есть под ними, – сказала она, когда Мэри попыталась снова убедить надеть корсет.

Но, к неподдельному восторгу служанки, когда они закончили и в шкафу открыли дверцу с зеркалом, Женя увидела настоящую леди. Ту самую, каких показывают в кино. В пышном платье светло-зеленого цвета с расшивкой золотыми нитями. Рукава чуть ниже локтя и оканчиваются пышными фалдами, грудь, несмотря на отсутствие корсета приподнята и совсем не целомудренно оголена чуть ли не на половину. Волосы уложили в невысокую прическу, пропустив хвост через какие-то кольца, и теперь прядь элегантно лежит на плече.

– Ух ты... – вырвалось у Жени по-русски. – Обалдеть.

– Госпожа довольна? – испугавшись, спросила служанка.

Женя впечатленно кивнула.

– Очень красиво, – сказала она, а потом вспомнила об одной маленькой детали и добавила: – А где белье?

Служанка странно посмотрела на нее и ответила:

– На вас. Мы ведь надели нижнюю сорочку.

И тут Женя поняла, что о трусах и панталонах в этом доме, и, вероятно, городе, никто не слышал. Но надувать себе интимные места желания не было.

– Эм, понятно, – сказала она. – Ты не можешь сходить посмотреть, что там внизу творится?

Когда Мэри скрылась за дверью, Женя бросилась к своему тайнику с одеждой и, порывшись в сумке, вытащила кружевные танга.

Надеть в их в таком неудобном для наклонов наряде оказалось непросто. Но, спустя несколько минут, Женя справилась, удивившись, какое чувство защищенности могут дать обыкновенны трусы.

Чтобы заставить руки перестать трястись, лорду Адерли пришлось сделать пару глотков дорогого виски, который хранился в его серванте. Теперь он расхаживал по гостиной с бокалом в руке и хмурил брови.

Когда он в очередной раз остановился у шкафа с застекленными дверцами, из отражения на него взглянул перепуганный юнец, который прежде не видел девичьего тела. Парик съехал, а щеки все еще пунцовые.

Тряхнув головой он проговорил отражению:

– Какой вздор. Я лорд. Я десятки раз посещал дома блудниц. Но даже в самый первый раз не был так смущен... Это все бессонные ночи. Нужно поменьше бывать на балах.

Слова звучали убедительно, но краснота с щек сходить отказывалась. Недовольно выдохнув, лорд Адерли поправил парик и вытащил из комода небольшую коробочку. Запудрив лицо, будто его обсыпали мукой, Лесли Адерли покривился, но так хотя бы не видны его пылающие щеки.

Он покосился на ступеньки, что ведут на второй этаж, где сейчас переодевается леди, чья красота сравнима со статуями греческих богинь. Идеальная кожа, высокая грудь, тонкая талия, сочные бедра. А эта необычная гладкость в самом низу живота...

Лорд шумно сглотнул.

Но погрузиться в мечты ему не дали. Наверху стукнула дверь, послышались шаги, и через несколько мгновений по ступенькам начала спускаться служанка Мэри. Она опускала взгляд и покорно склоняла голову, как и положено прислуге, а когда оказалась внизу, сказала, приседая в поклоне:

– Госпожа послала меня проверить кто есть в гостиной. Что ей передать милорд?

– Передай что...

Закончить он не успел, в дверь постучали. Мэри подняла на лорда вопросительный взгляд, тот кивнул на выход, и служанка поспешно просеменила к нему.

Когда дверь отворилась, лорд Адерли скривился, будто хлебнул уксуса.

– Лорд Фэйн, вы меня преследуете? – спросил он, все еще стоя возле серванта.

Лорд Фэйн стоял на пороге чуть улыбаясь и заложив палец за лацкан темно-синего камзола Тот длиннее тех, что предпочитало носить большинство, и прикрывает темные кюлоты до середины бедра. Зато сапоги до самых колен блестят так, что служанка прищурилась от света.

– Отнюдь, – проговорил лорд Фэйн, глядя с порога в глубину дома. – Я лишь хотел передать официально приглашение от судьи. На случай, если вы сочтете мое приглашение недостаточным.

Лесли Адерли скривился.

– Вы могли обойтись посыльным, – сказал он.

– Мог, – согласился лорд Фэй и протянул конверт служанке, – но мне хотелось засвидетельствовать свое почтение лично.

– Почему-то кажется, что не мне, – отозвался Адерли.

– Вы невероятно проникательны.

Взгляд лорда Фэйна поднялся и устремился вглубь, по лицу промелькнула тень, которую приближенные Фэйна могли бы назвать восторженностью.

Лесли Адерли проследил его взгляд, служанка тоже обернулась.

Женя спускалась по ступенькам, придерживая платье и молясь всем богам, чтобы не наступить на край и не загреметь по каменной, а потому твердой лестнице. Она благодарила себя за то, что хватило ума обуть свои растоптанные и удобные ботиночки на устойчивом каблуке потому, что в местных башмаках точно бы уже летела на пол.

Она придерживалась за перила и старалась держать спину прямой, ступая осторожно. От этого казалось, будто у нее по истине царственная осанка и поступь.

– Вы ослепительны, – проговорил лорд Фэйн. – Если бы во сне ко мне снизошли нимфы, они не были бы и в половину прекраснее вас.

От такой высокопарной и неприкрытой лести Женя едва не потеряла равновесие, но в последний момент смогла удержаться.

– Спасибо, – сказала она, не представляя, что отвечать на такое.

Лорд Адерли словно очнулся, он вздрогнул, продолжая таращиться на Женю, и проговорил:

– Как бы не нравилось соглашаться с лордом Фэйном, но он прав. Вы словно сошли с полотен великого художника.

К такому обилию витиеватых комплиментов Женя не привыкла. Она знала, что привлекательна. Но не больше и не меньше других. Звезд с неба не хватало. Хотя регулярно ходила в фитнес-зал, посещала салон и старалась следить за питанием.

И внимание было приятным. Но сейчас она всецело пыталась сконцентрироваться на ступеньках и подоле платья, которое постоянно лезет под ноги.

Наконец, когда удалось достигнуть пола, Женя выдохнула с облегчением, а лорд Адерли сказал с плохо скрываемым сарказмом:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.